

MOR

18+

ΛΟΡΑ ΤΑΛΑΚΚΑ

Лора Таласса

Мор

Серия «Четыре всадника», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63662226
Мор: АСТ; Москва; 2020
ISBN 978-5-17-121689-4

Аннотация

Четыре всадника пришли в наш мир, чтобы уничтожить человечество. Мор явился в город, где живет Сара Берн, и все, кого она знает и любит, отмечены печатью смерти. Сара пытается спасти их... Жаль, что никто не сказал ей – убить Всадника невозможно. Сопротивление Сары приводит Мора в ярость. Прекрасный и жестокий Всадник заставит ее страдать. Но чем дольше они вместе, тем больше у Сары сомнений в истинных чувствах Мора к ней... и в своих чувствах к нему. Возможно, у нее есть шанс спасти мир, но ей придется пожертвовать своим сердцем.

Содержание

Пролог	7
Глава 1	9
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	27
Глава 5	32
Глава 6	46
Глава 7	58
Глава 8	66
Глава 9	68
Глава 10	80
Глава 11	87
Глава 12	98
Глава 13	106
Глава 14	118
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Лора Таласса

Мор

Laura Thalassa
PESTILENCE

© 2018 by Laura Thalassa

© Е. Мигунова, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2020

ЛОРА ТАЛАССА

МОП

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

Терезе, которая искренне заботится, щедро отдает и беззаветно любит.

Ты – то, в чем этот мир нуждается больше всего.

И я видел, что Агнец снял первую из семи печатей, и я услышал одно из четырех животных, говорящее как бы громовым голосом: иди и смотри.

Я взглянул, и вот, конь белый, и на нем всадник, имеющий лук, и дан был ему венец; и вышел он [как] победоносный, и чтобы победить.

Откровение Иоанна Богослова. 6:1-2

Эта книга – художественное произведение. Упоминания реальных людей, событий, учреждений, организаций и мест служат лишь для создания иллюзии подлинности и не имеют отношения к действительности. Все прочие персонажи, события и диалоги – плод воображения автора, и не должны восприниматься как реальные.

Пролог

Они пришли с бурей.

В грозовом небе метались, переплетаясь, исполинские клубы туч. Воздух пустыни сгустился, напиваясь влагой и необычайными запахами.

Сверкнула молния.

БАБАХ!

Мир осветился, и в этой слепящей вспышке возникли они – четыре громадных не то зверя, не то человека.

Чудовищные кони вставали на дыбы, били копытами, пока их всадники чуждыми, грозными взглядами смотрели на этот мир.

Мор, в надвинутой на лоб короне.

Война, высоко вздымающий стальной клинок.

Голод, с косой и весами в руках.

И Смерть, мрачный, со сложенными за спиной темными крыльями, с факелом, что курился ядовитым дымом.

Четыре Всадника Апокалипсиса явились, чтобы захватить землю и истребить живущих на ней смертных.

Небо потемнело, и кони пустились вскачь, только вздымалась пыль из-под копыт.

Север –

Восток –

Юг –

Запад –

Всадники разъехались в разные стороны, и там, где они проносились, ломались машины, перегорали и плавились предохранители. Отключился интернет, перестали работать компьютеры. Вышли из строя двигатели, самолеты попадали с неба на землю.

Мало-помалу все великие изобретения перестали существовать, и мир погрузился во тьму.

И было так, и так будет, потому что закончилась Эра Человека, и началась Эра Всадника.

Они пришли на землю. Пришли, чтобы положить конец всем нам.

Глава 1

Всадники, Год Пятый

– Тянем спички.

Бросаю взгляд – глаза у меня светло-карие – на тонкие деревянные палочки в кулаке Люка. Он чиркает одной по нашему грубо отесанному столу, на миг вспыхивает огонек, который он тут же задувает.

Вокруг уныло гудят тусклые лампы, освещающие пожарную станцию. В наше время так же натужно гудит большая часть еще сохранившейся электроники, словно напоминает, что может отключиться в любой момент.

Люк поднимает спичку с обгоревшим кончиком.

– Проигравший останется и доведет наш план до конца.

Нам было непросто принять решение. Оно обрекало одного человека на смерть, еще троих – на жизнь.

Все ради того, чтобы уничтожить этого нечестивого сукина сына.

Люк кладет сгоревшую спичку на ладонь вместе с тремя целыми, опускает руки под стол и перемешивает спички.

Во дворе, за одной из списанных пожарных машин, уже упаковано и готово к побегу все необходимое.

Не для всех, конечно, а только для троих везунчиков.

Люк поднимает руку, из кулака торчат кончики спичек.

Феликс и Бриггс, тоже пожарные, подходят первыми.

Феликс тянет спичку...

Красная головка.

Он выдыхает. Я уверена, что у него ноги дрожат от облегчения, это очень заметно. Но он сдерживается – он ведь мужчина и слишком хорошо понимает, что у нас еще все впереди.

Бриггс тянет спичку...

Красная головка.

Мы с Люком переглядываемся.

Одному из нас предстоит погибнуть.

Я понимаю, что Люк готов пожертвовать собой. Такое выражение его лица я уже видела однажды. Мы тушили большой пожар, и огонь окружил нас почти сплошным кольцом. Пламя приближалось так стремительно, словно в него вселился дьявол, а у Люка тогда сделалось такое же лицо – лицо живого мертвеца.

Тогда мы оба выжили. Может, справимся и с этим дьяволом...

Люк протягивает мне кулак. Из него торчат две спички. Шансы пятьдесят на пятьдесят.

Я не даю себе додумать эту мысль. Просто хватаю одну из спичек.

Чтобы осознать, какого она цвета, мне требуется несколько секунд.

Черный.

Черный означает... черный означает смерть.

Из легких будто выбили воздух.

Я поднимаю голову на товарищей, вижу смесь жалости и ужаса на их лицах.

– Мы все когда-нибудь умрем, правда же? – говорю я.

– Сара... – это голос Бригса, которому (я в этом почти уверена) я нравлюсь больше, чем полагается просто коллеге и другу.

– Я останусь вместо тебя, – говорит он. Как будто его храбрость сейчас имеет значение. Если ты погибнешь, не сможешь назначить девушке свидание.

Я сжимаю спичку в кулаке.

– Нет, – отступить я не собираюсь. – Все уже решено.

Остаюсь. Я остаюсь.

Глубокий вдох.

– Когда все будет позади, – говорю я, – пожалуйста, расскажите моим родителям, что случилось.

Я стараюсь не думать о своей семье, которую в начале недели эвакуировали вместе с остальными горожанами. О маме, которая, когда я была маленькой, заботливо срезала мне корочки с хлеба, об отце – он ужасно расстроился, когда узнал, что я вызвалась остаться на последнюю смену. Он так на меня смотрел тогда, словно я уже умерла.

Мы с ними договорились встретиться в охотничьей хижине моего деда.

Но этой встрече не суждено состояться.

Феликс кивает.

– Не переживай, Берн, все сделаем.

Я встаю. Остальные не двигаются.

– Уходите, – я немного повышаю голос, – он будет здесь со дня на день.

А то и через несколько часов.

Они наверняка понимают, что я не намерена рассусоливать, потому что перестают уговаривать и больше не медлят. Один за другим они крепко обнимают меня, прижимая к себе.

– Эх, все должно было быть не так, – шепчет мне на ухо Бриггс, подошедший последним, и разжимает руки.

Должно было быть, могло бы, было бы. Сейчас нет смысла в этом копать. Весь мир должен быть другим. А он вот такой, и важно только это.

Я смотрю в окно на уходящих парней. Люк отвязывает лошадь, Бриггс и Феликс выкатывают велосипеды, прилаживают пожитки.

Я жду, когда они скроются, и только тогда приступаю к сборам. Скользнув взглядом по сумке, набитой тем, что помогает выжить (а еще в ней книга избранных произведений Эдгара По), я смотрю на дедушкин дробовик. Весь в смазке, он выглядит прямо-таки смертоносным.

Бояться некогда, пора делать дело.

Да, я обречена на смерть, но это не просто так: я утащу с собой этого адского ублюдка.

Глава 2

Никто не знает, откуда взялись Четыре Всадника. Однажды они просто появились и стали носиться на своих жеребцах по городам и весям. И по мере того, как они появлялись тут и там, человеческие технологии рассыпались, словно волны, бьющиеся о скалы.

Никто не понимал, что происходит и что все это значит. Особенно, когда, совершенно неожиданно, Четыре Всадника исчезли так же внезапно, как явились.

Электронные приборы так и не удалось восстановить, зато с тех пор мы не оставляли попыток объяснить необъяснимое. Это была сверхмощная вспышка на солнце. Террористы. Синхронизация электромагнитных излучений. И неважно, что в этих гипотезах не было никакого смысла – все же любая из них казалась более приемлемой, чем библейский Апокалипсис. И потому мы, морщась, глотали эти глупые, непродуманные теории.

А потом снова явился Мор.

После ухода товарищей – *бывших* товарищей – я долго сижу за столом, водя пальцами по отполированному прикладу дедовского дробовика, мало-помалу привыкая к нему.

Не считая последних двух недель, когда я заново знакомилась с оружием, разнося пустые консервные банки, я мно-

го лет не держала в руках ружья.

Из этого ствола я убила ровным счетом одно живое существо – фазана, чья смерть долго преследовала в кошмарах меня двенадцатилетнюю.

Придется опять им воспользоваться.

Я встаю и в очередной раз выглядываю в окно. Мой велосипед с кое-как притороченной тележкой стоит поперек дороги. В прицепе еда, аптечка и кое-какие припасы. За велосипедом простирается холмистая канадская пустошь, она раскинулась до самого Уистлера, нашего городка. Кто бы мог подумать, что всадник нагрянет сюда, в этот заброшенный, забытый уголок?

Я подхожу к холодильнику и машинально достаю пиво. Мир может рушиться, мне плевать, но пиво должно оставаться.

Сорвав крышечку, я перехожу в комнату и включаю телевизор.

Ничего.

– Тьфу, только не это.

Мне предстоит ужасная, отстойная смерть, а тут еще телевизор именно сегодня решил забастовать.

Хлопаю по нему ладонью.

Все равно ничего.

Ругаясь себе под нос – дедушка гордился бы такими выражениями, – я пинаю бесполезный ящик, скорее от досады.

Но экран оживает, и на нем появляется нечеткое изобра-

жение ведущей новостей. По ее лицу бегут цветные полосы и зигзаги телепомех.

— ...кажется, движется через Британскую Колумбию... направляясь к Тихому океану... — слова трудно разобрать, они тонут в треске и шуме. — ...Сообщают о мессианской лихорадке, следующей за ним по пятам...

Мору достаточно проехать по улицам, чтобы весь город был заражен.

Ученые — те, которые продолжают работать даже после обрушения технологий — до сих пор мало что знают об этой чуме. Только то, что она чудовищно заразна, а основным источником ее является *всадник*. Но ей все же дали имя — *мессианская лихорадка*, или просто лихорадка. Название придумали призраки, но такой уж у нас сейчас мир — в нем живут призраки, святые и грешники.

Выключив телевизор, я хватаю сумку и ружье и выхожу, насвистывая музыкальную тему Индианы Джонса. Возможно, если я вообразу себя героиней приключенческой истории, это поможет, и я стану меньше думать о том, что должна сделать для спасения своего города и остального мира.

Почти весь день и большую часть вечера я занимаюсь тем, что разбиваю лагерь в стороне от шоссе Си-ту-Скай — скорее всего, всадник выберет именно этот путь. И я очень надеюсь, что он проедет до того, как стемнеет. Я и при дневном-то свете меткостью не отличаюсь, а ночью скорее подстрелю сама себя, чем его.

Имея в виду мое сегодняшнее везение, есть шанс, хороший жирный шанс, что я облажаюсь по полной. Может, например, Мор отправится в объезд или решит соригинальничать и заедет с другой стороны. Или проедет мимо, а я его даже не замечу.

Может, может, может.

А может, даже у безумных, пугающих существ все-таки имеется хоть капля логики и здравого смысла.

Я хватаю ружье и амунизию, подползаю поближе к шоссе и устраиваюсь в засаде.

Он появляется с первым в этом году снегом.

Наутро мир окутан тишиной, куда ни глянь, все припорошено белыми хлопьями, а дорога поблескивает перламутром. Снег продолжает падать, и это так неуместно красиво, просто ужас.

Вдруг с деревьев вспархивают птицы. Ошеломленная, я провожаю их взглядом – вон они, прямо надо мной, темные силуэты в пасмурном небе.

Потом, одновременно в разных местах, начинают выть волки, и от этих звуков мурашки бегут по спине. Это что-то вроде сигнала тревоги, после него оживает весь лес. Мимо меня спешат и хищники, и добыча. Еноты, белки, зайцы, койоты – все куда-то бегут. Я замечаю даже пуму, которая прыжками движется вместе со всеми.

Наконец, все скрываются.

Я прерывисто выдыхаю.

Он приближается.

Я припадаю к земле в темном лесу, сжимая в руках ружье. Проверяю магазин. Вытряхиваю и снова заряжаю патроны, чтобы убедиться, что все правильно. Вновь и вновь отрабатываю захват.

Успеваю опустить руку, чтобы еще раз проверить боеприпасы в кармане, и вдруг... по спине ползут мурашки. Очень медленно я поднимаю голову, не отрывая взгляда от брошенного шоссе.

Еще не видя, я слышу его. Глухой стук конских копыт отдается эхом в морозном утреннем воздухе, но так тихо, что сначала я думаю, что мне кажется. Но топот становится громче и громче, и вот в поле зрения появляется он.

Я трачу драгоценные секунды, глаза на это... *ничто*.

Он облачен в золотые доспехи, а конь под ним белоснежный. За его спиной лук и колчан. На светлых локонах золотая корона, а лицо – ангельское, благородное.

На него почти невозможно смотреть, настолько он величав и блистателен. Слишком потрясающий, слишком возвышенный, слишком зловещий. Такого я не ожидала. Я не ожидала, что растеряюсь или забуду о своем смертельном задании. Я не ожидала, что он... тронет и взволнует меня. Разве такое возможно, ведь меня переполняет ужас и ненависть.

Но он действительно потряс меня, Первый Всадник Апокалипсиса.

Мор Завоеватель.

Глава 3

Никто не знает, почему всадники явились пять лет назад, почему они вскоре исчезли, почему сейчас Мор, один только Мор, вернулся, сея ужас среди живых.

Конечно, у каждой кумушки в округе найдутся ответы на эти вопросы, один другого правдоподобнее, как истории о зубной фее. Но никому, однако, не удалось припереть к стенке одного из тех всадников и выбить правду.

Поэтому нам остается только гадать.

Доподлинно же мы знаем только, что однажды утром, семь месяцев назад, поползли слухи.

О всаднике, которого видели во Флориде, рядом с национальным парком Эверглейдс. Добрая часть недели ушла на то, чтобы до нас дошли остальные вести. О том, как жителей Майами стремительно поражает странная болезнь.

Потом стало известно о первой смерти. Новость сильно раздули, потому что несколько часов та женщина числилась единственной трагически погибшей. Но вскоре смертей стало вдвое, потом вчетверо больше. Их число росло в геометрической прогрессии, выкосив сначала Майами, за ним Форт-Лодердейл, потом Бока-Ратон. Кривая графика смертей двигалась вверх по восточному побережью Соединенных Штатов в соответствии с передвижениями призрачного всадника.

На этот раз, проезжая через города, всадник уничтожал не технологии, а *тела*. И мир узнал, что Мор вернулся.

Я вглядываюсь в него. Мор не больше человек, чем его конь – лошадь.

В последнем сюжете о нем, который я видела, он гарцевал по Нью-Йорку, вооруженный луком и стрелами. Он стрелял в толпу людей, которые, крича и давя друг друга, пытались бежать прочь.

Мне пришлось пересмотреть хронику раз пять, прежде чем я в это поверила. А поверив, не смогла больше смотреть.

И вот теперь Мор здесь. Во плоти.

Цок-цок-цок. Конь и всадник медленно приближаются. Его плечи и волосы покрыты снегом. И эти белые хлопья добавляют ему странной, неземной красоты.

Я замерла на месте, стараясь не дышать, чтобы пар от моего дыхания не насторожил всадника. Но он, кажется, совершенно не интересуется тем, что вокруг. Да и не должен; вряд ли кто-то, кроме меня, захочет подобраться так близко к этому воплощению чумы.

Ни на миг не отрывая глаз от Мора, я поднимаю ружье. Взять его на мушку – дело нескольких секунд. Я целюсь ему в грудь, потому что это единственное, что дает надежду на удачу. Я смотрю на всадника в прицел, и в груди у меня начинается тоскливо ныть.

Я видела, как умирают люди. Я видел тела, охваченные огнем, и чувствовала тошнотворный запах поджаренной пло-

ти.

И все же.

И все же мой палец на спусковом крючке подрагивает.

Я никогда никого не *убивала* (фазан не в счет). Неважно, что это существо – не человек, что он устроил кровавую бойню по всей Северной Америке. Он выглядит живым, разумным человеком. И этого достаточно, чтобы меня охватила неуверенность.

Я крепче перехватываю дробовик и прикрываю глаза. Если я это сделаю, будет жить мама, будет жить папа, Бриггс, Феликс и Люк – все они будут жить. Мои друзья и товарищи по команде и их семьи, все будут жить. Выживет весь мир, на жизнь которого нацелился он, Мор.

Все, что мне нужно сделать, это шевельнуть пальцем.

Я никогда не считала себя трусихой, но в эту секунду едва ли не складываюсь пополам.

Засунь свою мораль в задницу, Берн, не дай себе подохнуть впустую.

Я набираю в грудь воздуха, выдыхаю и жму на спусковой крючок.

БАБАХ!

Звук оглушает, бьет почти с такой же силой, как ружейная отдача, разносится эхом по тихому лесу.

Всадник вскрикивает, заряд дроби ударяет его в грудь с такой силой, что выбрасывает из седла. Конь пятится, встанет на дыбы и с испуганным ржанием уносится прочь.

Все мои внутренности закручиваются в узел.

Того и гляди стоинит.

Конь скачет, не останавливается.

Вдруг это лошадь, а не человек, распространяет чуму.

Или, может, оба.

Рисковать нельзя.

– Прости, – шепчу я и снова целюсь.

На этот раз выстрелить гораздо легче. То ли потому, что я только что это сделала и готова опять почувствовать отдачу и услышать разрывающий уши грохот, то ли потому, что в животное стрелять проще, чем в человека. Хотя я понимаю, что оба они не то, чем кажутся.

Передние ноги коня подкашиваются, он дрожит и издает предсмертный крик, похожий на рев. А потом заваливается на бок в сотне футов от своего хозяина и больше не двигается.

Чтобы отдышаться, мне требуется несколько секунд.

Дело сделано.

Господи помилуй, я и впрямь это сделала!

Отложив ружье, я иду к дороге, не отрывая глаз от всадника. Броня на нем – в лохмотья. Не пойму, то ли дробь пробила нагрудник насквозь, то ли просто помяла металл, но часть заряда разворотила его смазливую физиономию.

Мой рот наполняется горькой желчью. Вокруг его головы уже растеклась кровавая корона, но тут, хотя его лицо превратилось в сплошное месиво, я слышу стон.

– Боже, – шепчу я. Оно еще *живо*.

Еле успеваю отвернуться, и меня рвет.

Слышу его жуткое дыхание. Он тянется ко мне, пальцы скребут мой ботинок.

Не сдержав вопля, я отскакиваю и едва не падаю навзничь.

Я и не заметила, как близко подошла к нему.

Надо это закончить.

На дрожащих ногах я возвращаюсь за ружьем.

Зачем я его бросила?

От паники все как в пелене, я не могу вспомнить, под каким деревом оставила дробовик, а *всадник все еще жив*.

Перестаю искать ружье и бреду назад, к своей стоянке. Среди вещей есть спички и жидкость для розжига костра.

Беру их дрожащими руками. На автопилоте тащусь обратно.

Ты серьезно собралась это сделать? Я тупо пялюсь на то, что у меня в руках. *Он еще дышит, а ты хочешь сжечь его заживо. Ты, пожарный, огнеборец.*

Огонь – это вам не чистенькая смерть. Это, вообще-то, один из самых жутких способов отправки на тот свет. У меня, видимо, не хватает ненависти к Морю, потому что мучительна сама мысль о том, что я собираюсь с ним сделать.

Но я возвращаюсь к всаднику и отвинчиваю крышку на бутылки с горючей жидкостью. Закусив губу до крови, переворачиваю бутылку, и жидкость, булькая, льется из нее. Поливаю его с головы до пят. С перерывом, потому что меня

снова рвет.

Наконец, бутылка пуста.

Я не могу удержать коробок, тем более вытянуть спичку. Руки ходят ходуном, и я роняю спички одну за другой. Наконец мне все же удается ухватить одну, но теперь проблема чиркнуть ей о коробок.

А всадник снова тянется к моей ноге.

— ...оооляаааюуу ... — слышится хрип из того, что раньше было ртом.

У меня вырывается крик. Кажется, это была мольба.

Не смотри на него.

Только с пятой попытки, но я все же поджигаю чертову спичку. Вряд ли я решилась бы бросить ее сознательно — скорее, думаю, я бы так и стояла, глядя на нее, пока пламя не обожгло бы пальцы, — но рука дрогнула, и спичка упала.

Одежда на Море занимается вмиг, и я слышу дикий крик.

Я запоздало понимаю, что металлические доспехи удерживают огонь, намного замедляя и без того медленную и мучительную смерть. Он слишком раскалился, невозможно дотронуться — если бы не это, я бы попыталась стянуть с него латы или загасить пламя.

В желудке уже пусто, но я вздрагиваю от рвотных позывов. Подозреваю, худшей смерти этому существу невозможно было придумать.

Он кричит и кричит, сколько хватает сил.

Такого кошмарного конца не заслуживает никто. Даже вестник Апокалипсиса.

Я пячусь, и ноги подкашиваются.

Я не чувствую, что совершила благородный поступок. Не ощущаю себя героиней, спасительницей мира.

Я чувствую себя гнусной убийцей.

Надо было прихватить с собой банку пива. Нет – пять. На трезвую голову на такое лучше не смотреть.

Но я смотрю. Я вижу, как его кожа пузырится и чернеет, и плавится. Я вижу, как он умирает медленно, мучительно. Я провожу рядом несколько часов, сижу у заброшенной дороги, по которой никто больше не ездит. Единственные свидетели – деревья, обступившие нас, словно стражи.

Его тело начинает понемногу заметать снегом, но снежинки тают на дымящихся останках.

В какой-то момент я поднимаю голову и вижу, что конь исчез, а к лесу тянется дорожка кровавых пятен и истоптанного снега. Умом я понимаю, что надо найти ружье и идти по следу лошади, чтобы добить ее.

Умом понимаю – но это не значит, что я так и делаю.

На сегодня достаточно одной смерти. Закончить работу я смогу и завтра.

Небо темнеет. А я все сижу, пока холод не начинает пронизывать меня до костей.

Наконец стихия загоняет меня в палатку. Я разминаю затекшие ноги, все тело ноет и болит. Я не знаю, успела я под-

хватить заразу от этого существа или просто человеку свойственно так себя чувствовать, если он целый день не ест, не пьет и не думает о тепле и укрытии. Так или иначе, я чувствую себя совершенно больной. Смертельно больной.

Я падаю на спальный мешок, даже не попытавшись в него завернуться.

К добру или к худу, но я это сделала.

Мор мертв.

Глава 4

Я просыпаюсь от того, что чувствую чужую руку на горле.

– Из всех гнусных смертных, что попадались мне в пути, ты, пожалуй, самая скверная.

Я распахиваю глаза.

Надо мной нависает монстр, все его лицо в кровоточащих язвах, кожа обуглена, сморщена, а местами ее нет.

Я бы его не узнала, если бы не глаза.

Ангельские голубые глаза. Похожую фигурку рисуют на стенах церквей.

Это мой всадник.

Восставший из мертвых.

– *Невероятно*, – хриплю я.

От него пахнет золой и горелой плотью.

Как он смог выжить?

Он крепче сжимает мне шею.

– Глупая ты смертная. Неужели ты думаешь, что за все время моего существования никто не пытался сделать то, что не удалось тебе? В Торонто меня хотели подстрелить, в Виннипеге выпотрошить, в Буффало пытались зарезать, а в Монреале душили. Все это и многое другое проделывали не только там, но и во множестве других городов, названия которых тебе вряд ли что-нибудь скажут, потому что вы, смертные, очень ограничены.

Кто-то уже... пытался?

Пытался и потерпел неудачу.

Чувство, будто мне в лицо плеснули ледяной водой. Конечно, кто-то уже пробовал его прикончить. Мне следовало быть умнее и догадаться. Но в хронике такого не показывали, я не слышала ни одного репортажа о покушениях. Те, кто хотел его убить, не сумели сообщить людям, что *его невозможно убить*.

— Где бы я ни был, — продолжает он, — всюду находится кто-то вроде тебя. Люди, считающие, что могут меня убить и тем спасти свой прогнивший мир.

Очень трудно отвести глаза и не смотреть на его лицо, изуродованное и ужасающее. И все же — сейчас он выглядит намного лучше, чем когда я оставила его в лесу, когда от него оставался практически только пепел.

Мор придвигается ко мне.

— И теперь ты заплатишь за то, что осмелилась совершить.

Он рывком поднимает меня.

Последние остатки сна, если они и были, испаряются окончательно. Я хватаю его за руку и ахаю, наткнувшись на кость и сухожилия.

Как он может шевелить рукой, если от нее ничего не осталось, только кости и связки? Но хватка у него стальная, уверенная.

Мор вытаскивает меня из палатки, бросает на землю. Я падаю на колени, проваливаясь ладонями в неглубокий

снег.

В спину упирается колено. Мор обшаривает меня, ищет, нет ли при мне оружия. Я вздрагиваю при мысли, что он касается меня голой *костью*. Дотянувшись до карманов, он выбрасывает швейцарский армейский нож и спичечный коробок.

В темно-синем предрассветном свете лес выглядит зловеще. Тишина, как в склепе, все обитатели давно попрятались.

Закончив обыск, Мор медлит.

– Где же твой боевой задор? – насмешливо спрашивает он, когда я продолжаю оставаться на месте. – Раньше ты действовала очень быстро. Где же теперь этот проклятый человеческий огонь?

Я все еще пытаюсь сосредоточиться и осознать, что комок тлеющей плоти, который я оставила у обочины вчера вечером, непостижимым образом регенерировал. И он *разговаривает*.

– Что, нечего сказать? Хм, – он хватает меня за запястья и связывает их грубой веревкой у меня за головой. Я почти уверена, что этот шпагат взят им из моих вещей. – Ну, наверное, это и хорошо. Разговоры со смертными обычно оставляют желать лучшего.

Давление на мою спину уменьшается.

– Вставай, – приказывает он.

Я слишком медленно выполняю приказ, поэтому он тянет за веревку и рывком ставит меня на ноги. Теперь я снова

могу его как следует рассмотреть.

Он еще ужаснее, чем мне показалось сначала. Волос нет, носа нет, ушей нет, кожа до сих пор черная. Это и не человек вовсе, и уж точно такое не должно вести себя, как живое существо.

Но золотые доспехи на месте, ни пятнышка, ни царапинки, а ведь должны быть исковерканы и изрешечены дробью. Руки под латами почти не видны, но от них, видимо, мало что осталось, судя по тому, как болтается и гроыхает металл. А кисти рук... это просто белые кости с ошметками плоти, так же как щиколотки и ступни.

На поясе у него одно из моих одеял. Стажил, видно, пока я спала. При этой мысли мне становится стыдно.

Дергая за связанные руки, Мор выводит меня на дорогу. Заметив белого коня, который терпеливо дожидается хозяина, я отворачиваюсь: бок у него сплошь красный от крови. Он роет копытом покрытый снежком асфальт и шумно фыркает. Увидев меня, конь тревожно ржет и бочком отходит подальше.

Мор, не обращая внимания на беспокойство лошади, привязывает другой конец веревки к седлу.

Я смотрю на связанные руки, потом на коня.

– Что ты делаешь?

Он не отвечает и садится в седло.

– Ты собираешься меня убить? – спрашиваю я.

Он поворачивается, и мне кажется, что я вижу на этой

жуткой маске горечь и злость.

– О нет, я не дам тебе умереть. Слишком быстро. Страдания созданы для живых. И поверь, я заставлю тебя страдать.

Глава 5

Весь день Мор гонит коня рысью, и мне приходится бежать следом, чтобы не упасть. Не хочу, чтобы меня тащили волоком за связанные запястья. Хорошо еще, что я не офисный сотрудник, а пожарный, и привыкла к многочасовым тяжелым нагрузкам. Но даже при этом я, хотя и не отстаю от всадника, чувствую себя ужасно, а моя теплая одежда насквозь промокла от пота.

Мы минуем Уистлер, и я перевожу взгляд с одного знакомого здания на другое. Мой родной городок, где я появилась на свет, где зимой каталась на сноуборде, а летом плескалась в озере Чикамас, где училась водить папину машину, где впервые влюбилась и целовалась, где случились и все другие важные для меня события. Мысленно я прощаюсь со всем этим, и мы оставляем город позади.

Я бегу несколько часов, веревка стерла запястья в кровь, и у меня больше нет сил продолжать в том же духе.

Не может же это длиться вечно.

И мне совсем не легче от того, что по всаднику не понять, когда он собирается остановиться. И собирается ли вообще. Каждый километр тянется, как вечность. Когда он наконец сворачивает с шоссе, мне хочется плакать от облегчения. Мне абсолютно безразлично, какие еще кошмары он для меня припас. Пока что, похоже, бегство из ада подходит

к концу, и только это имеет значение.

Мы медленно едем по заснеженной дороге, пока она не упирается в дом. И тогда – хвала Господу! – перед входом в дом мы останавливаемся.

С самого утра Мор ни разу не удосужился на меня оглянуться, да и сейчас – он спрыгивает с коня и привязывает поводья к столбу, а на меня не обращает внимания, словно я невидимка. Но вот он обходит своего скакуна, и становится ясно, что он обо мне не забыл.

При виде Мора я тихо ахаю. Ангелоподобный всадник, каким я его впервые увидела, вернулся. Изуродованное лицо с висевшей клочьями плотью почти совсем восстановилось. Кое-где еще остались красные пятна и блестящая кожа на месте заживающих ран от дробы и ожогов, но у него снова есть нос, губы и уши, так что самое главное на месте. Даже волосы вернулись, хотя золотистые волны пока совсем короткие – только-только чтобы запустить в них пальцы.

Теперь, когда он снова цел, я не могу отвести от него глаз и ничего не могу с собой поделать. Хотелось бы мне сказать, что я уставилась на него от ужаса, но нет, это будет неправдой.

Он невероятно хорош собой, с этими скорбными синими глазищами, высокими скулами и убийственной нижней челюстью. Я шевелю рукой, пытаюсь заправить за ухо прядь потных каштановых волос.

Что со мной *не так*?

– Понравилась пробежка? – спрашивает он.

– Пошел ты, – у меня нет сил вложить побольше яда в свою ругань.

Он, тем не менее, кривит рот, отвязывая мою веревку от седла.

Как и лицо, кисти его рук почти в полном порядке. Я не вижу ни костей, ни сухожилий, ни вен и артерий, вообще ничего *внутреннего*, что еще несколько часов назад было *наружным*. Правда, пока кожа на руках очень красная и шелушится.

Мор отворачивается, и мне становятся хорошо видны его золотой лук и колчан со стрелами.

Этим оружием он убил множество людей и вскоре убьет еще больше, наш мир обречен, черт его побери, потому что этот тип не может умереть, а если его не остановить, он не прекратит убивать.

Можно распрощаться с мыслью его прикончить.

На бедрах Мора до сих пор намотано одеяло. Это могло бы показаться комичным, учитывая, что ноги у него босые (и почти зажили), но над этим всадником смеяться не хочется.

Я гляжу на него дольше, чем нужно, и, прости меня за это, Господи, невольно отмечаю, что его фигура так же совершенна, как и лицо. Широкие плечи, узкие бедра – я готова глаза себе выколоть. Должны же быть какие-то приличия, какие-то правила, запрещающие глазеть на парня, которого ты пыталась убить.

Он идет вперед и дергает за веревку. Чертыхаясь, я бросаюсь за ним, пытаюсь не отстать, а он шагает к дому.

Следом и я буквально подползаю к этому двухэтажному строению. Дом красивый, хотя, честно говоря, вполне обыкновенный: крашеные доски, зеленая дверь, под одним из окон занесенный снегом цветочный ящик.

Почему он пришел именно сюда?

Мор почти бежит к входной двери и с размаху пинает ее. Есть такой способ открывать дверь. Но есть же и другой – за чертову ручку, как нормальные люди.

Меня он тащит за веревку, как непослушную собаку, которую нельзя спускать с поводка.

По тому, как тихо в доме, ясно, что хозяев нет, и они, вероятно, не появлялись здесь с тех пор, как начались предупреждения об опасности. И слава Богу. Лучше пусть они сейчас будут где угодно, чем здесь.

Мор входит в гостиную, таща меня за собой. Теперь, когда мне не нужно бежать, спасая жизнь, просыпается боль. Запястья пульсируют, их жутко дергает, а пот очень быстро охлаждает тело. А уж о том, как утром будут болеть ноги, я даже думать не хочу.

Всадник привязывает веревку к перилам лестницы – один узел, два, три.

– Сам же понимаешь, как только ты отойдешь, я попытаюсь сбежать, – говорю я.

– Я кажусь тебе взволнованным, смертная? – спрашивает

он, резко затягивая узел.

– Трудно сказать, у тебя не все части на месте.

Вру, но он еще не видел себя в зеркале, так что не проверит.

Мор сверлит меня долгим взглядом – его неприязнь ко мне почти можно потрогать, – потом поднимается по лестнице. По всему дому эхом разносятся его шаги.

Насчет побега я не шутила. Как только он скрывается, я так набрасываюсь на путаницу узлов, как будто от этого зависит моя жизнь. Тем более, что так оно и есть.

Я отчаянно дергаю за веревки, привязывающие меня к перилам (и где только этот тип, *чтоб его черт побрал*, научился так вязать узлы?), но тут он возвращается, неся смену одежды. Одежда и клейкая лента.

Для полноты картины не хватает только кожаного белья и плетки. Но я сомневаюсь, что Мор, когда говорил о страданиях, подразумевал что-то в этом духе. И это к лучшему. Не думаю, что это круто, заниматься садо-мазо с парнем, которого ты пыталась убить. Хотя бы не в первую же ночь.

Мор кладет вещи на диван, не сводя с меня глаз. Снимает по частям латы. Под ними остатки рубахи, но эти ошметки не скрывают обнаженного торса.

Даже сейчас, после травм, это образец мужской красоты. Мускулы проработанные, руки одновременно крепкие и изящные, грудные мышцы красиво округлы, а пресс вообще фантастический.

Кожа на груди местами еще красная и воспаленная. Ему, наверное, было ужасно больно ехать весь день по морозу в одном одеяле, пока доспехи царапали обожженную плоть.

Я не сразу замечаю, что раны – не единственное, что пятнает кожу Мора. Его грудь, как обруч, обхватывает цепочка странных *светящихся* букв. Вторая такая же полоса начинается на бедрах и уходит вниз, скрываясь под одеялом. Они тускло поблескивают, как янтарь.

Я ошеломленно замираю, уставившись на них. Мне доводилось видеть разные татуировки, но таких, чтобы светились, никогда. Если бы мне не хватило возрождения из мертвых, чтобы поверить в его потустороннее происхождение, то эти письмена убедили бы наверняка.

Мор тянется к краю одеяла – не то плаща, не то набедренной повязки – и я, моргнув, отворачиваюсь, пока ненароком не увидела лишнего.

Через несколько секунд он подходит ко мне со скотчем в руке. Одежда, в которую он переоделся, – джинсы и фланелевая рубаша – совсем не похожа на то, в чем он был, когда я увидела его впервые. Впрочем, на нем все это смотрится на удивление хорошо, учитывая, что среди обычных мужиков редко встретишь такого высокого и широкоплечего, как этот всадник.

Уставившись на меня пронзительно-голубыми глазами, он начинает разматывать клейкую ленту.

– Раз уж ты любезно изложила мне свои намерения... –

он обматывает скотчем веревочные узлы сначала на перилах, а потом на моих руках, лишая меня последней надежды на побег, — думаю, это хотя бы на время удержит тебя на месте.

Мор обрывает конец ленты и отшвыривает скотч в сторону.

Я сверлю его взглядом, но напрасно. Он вообще не обращает на меня внимания.

Всадник отходит к дровяной печи и принимается разжигать огонь.

— И что теперь? — спрашиваю я. — Так и будешь держать меня на привязи, пока я не сдохну от чумы?

Вообще-то я не чувствую себя больной — хотя кто его знает, может, это оно и есть. Трудно сказать наверняка, потому что я чувствую себя так, будто меня машиной переехало, причем дня три назад.

Мор поворачивает голову в мою сторону — чуть-чуть — и снова возвращается к огню. Через пару минут в печи уже бушует пламя, а еще через какое-то время я чувствую тепло.

Мор сидит у огня на корточках, спиной ко мне, и потирает лицо рукой.

— Я умолял, — говорит он. — Израненный, истекающий кровью, я молил о милосердии, но ты не сжалилась надо мной.

Внутри у меня все переворачивается.

— Тебе не заставить меня пожалеть об этом, — вру я, потому что это возможно. На самом деле, я пожалела и раскаялась в содеянном еще до того, как спустила курок, а по-

том снова, когда уронила спичку. Это ничего не меняет, и все равно – мне жаль. Мне *правда* жаль. Из-за этого во рту у меня горько-солоноватый привкус.

– Не смею даже надеяться на такое отношение от таких, как ты, – говорит он, все еще не поворачиваясь.

– А чего ты хотел, ведь *ты* же сам пришел убивать *нас*, – напоминаю я.

Как будто я вообще должна перед ним оправдываться. Сама не понимаю, зачем я это делаю.

– Люди превосходно справлялись, уничтожая друг друга сами, без моей помощи. Я здесь лишь затем, чтобы закончить дело.

– И ты еще удивляешься, что я не проявила к тебе милосердия.

– *Милосердие*, – он выплевывает это слово, как ругательство. – Если бы только ты была способна понять всю иронию своего положения, смертная...

Он снова поворачивается к огню, кладет подбородок на кулак, и я догадываюсь, что разговор окончен.

Я вспоминаю свою родню. Как же я надеюсь, что они достаточно далеко от всадника, чтобы избежать его заразы.

В отличие от обычных вирусов мессианская лихорадка не подчиняется законам науки. Вы можете быть очень далеко от Мора, объявить карантин, запереться в собственном доме, но каким-то образом все равно ее подхватите. Непонятно, на какое расстояние надо убежать, чтобы точно избежать зара-

жения, известно только, если задержитесь в городе, в котором объявился Мор, то наверняка умрете. Да, все настолько просто.

Ты пока не умерла, проносится в мозгу.

Прошло уже больше суток с тех пор, как я впервые встрети-
лась с ним один на один. *Конечно*, к этому времени я уже
что-нибудь бы почувствовала.

Кстати, об ощущениях...

Я меняю позу. У меня болят не только ноги и запястья.
Желудок урчит уже не знаю сколько времени, а мочевого пу-
зырь того гляди лопнет.

Я прочищаю горло.

– Мне нужно в туалет.

– Можешь сделать все там, где сидишь, – Мор по-преж-
нему не отводит глаз от огня, словно надеется прочитать бу-
дущее.

Он ведет себя так, что мне все проще и проще не чувство-
вать себя виноватой из-за того, что стреляла в него и подо-
жгла.

– Если ты рассчитываешь сохранить мне жизнь, – говорю
я, – учти, что мне нужно есть и пить, а еще спать и справлять
большую и малую нужду.

Ну как, ты еще не жалеешь, приятель?

Мор вздыхает, встает и подходит ко мне, уверенный, пря-
мо командир. Он уже совсем не то чудовище, которое разбу-
дило меня утром, и это меня злит, как ничто другое.

Надев фланелевую рубашку, джинсы и ботинки, он стал до боли похож на человека. Даже его глаза (когда я в первый раз заглянула в них, они показались мне совершенно чуждыми) сейчас полны жизни. Жизни и страдания.

Подцепив пальцами ленту на моих руках, он без усилия рвет этот «браслет» пополам.

Запомним: этот ублюдок силен.

Он срывает остатки ленты, отвязывает веревку от перил. За эту привязь он ведет меня по коридору, остановившись только перед туалетом.

Проблема в том, что он заходит вместе со мной и закрывает дверь.

Я вижу широкую грудь, перекрывшую выход.

– Вообще-то, это называют кабинетом уединения, – намекаю я.

– Мне знаком этот термин, коварная смертная, – с этими словами он складывает руки на груди. – Но почему ты решила, что этого достойна, известно лишь Высшей силе.

Фыркнув, я отворачиваюсь.

Пытаюсь расстегнуть штаны, и тут осознаю проблему номер два. Руки онемели, я их почти не чувствую, а сейчас нужно действовать быстро и точно.

Проклятье.

– Мне нужна помощь.

Мор подается назад и опирается на дверь.

– Я не склонен тебе ее оказывать.

– Ой, ради...

– Бога? – договаривает он за меня. – Ты в самом деле полагаешь, что *Он* тебе поможет?

Пытливый исследователь во мне тут же цепляется к этим словам, но сейчас не совсем подходящий момент для того, чтобы разгадывать тайны мироздания.

Я шумно вздыхаю.

– Слушай, если жалеешь, что оставил меня в живых, лучше убей. Но если ты заиклился на своей идее, я была бы очень благодарна, если б ты стянул с меня эти проклятые джинсы.

– Ты будешь страдать, если обделаешься? – интересуется он.

Я колеблюсь. Он и не скрывает, что вопрос с подвохом.

Как лучше ответить, чтобы *не* напортить себе?

– Да, – вздыхаю я наконец, решив выбрать правду, – буду.

Он снова с довольным видом опирается на дверь.

– Как я уже сказал, я не расположен тебе помогать.

Он, однако, не собирается и уходить. Но теперь я благодарна уже за то, что он отвел меня в сортир.

Стиснув зубы, я снова пробую расстегнуть джинсы. Веревка впивается в истертые запястья, и они протестующе вспыхивают болью. Я вожусь мучительно долго, но все-таки мне удастся расстегнуть молнию, стянуть джинсы, а за ними следом теплые подштанники и трусы.

Мор безразлично смотрит в мою сторону, его взгляд

скользит по всей этой красоте, выставленной на обозрение.

Убейте меня.

Он кривит губу.

– Уж извини, – реагирую я, – но если тебе так неприятно, можешь подождать за дверью. (*И дай мне спокойно сходить в туалет, а потом удрать.*)

– Справляй свою нужду, смертная. Я устал здесь стоять.

Бормоча под нос проклятия, выполняю его пожелание.

Всадник Апокалипсиса смотрит, как я писаю.

Никогда в жизни я не смогла бы догадаться, что из всех фраз на английском языке мне когда-то придет в голову именно *эта*. Я подавляю истерический смех. Я скоро умру, но, похоже, сначала убьют мое чувство собственного достоинства.

Вытереться, спустить воду, натянуть штаны – все это занимает даже больше времени – а потом я еще и мою руки.

Хорошо хотя бы, что здесь пока *есть* вода, чтобы вымыть руки. В отличие от бытового электричества водоснабжение пострадало намного меньше. Почему так – не знаю, хоть убейте, но я не жалуясь. Это помогло нам справиться с массой пожаров с тех пор, как мир покатился к чертям.

Когда я заканчиваю, всадник ведет меня по коридору обратно и при этом так дергает за поводок, что я едва не падаю. А потом опять привязывает меня к перилам, а сам возвращается к печке.

– Значит, вот чем ты занимаешься? – спрашиваю я. – Хо-

дишь из города в город и занимаешь чужие дома?

– Нет, – бросает он через плечо.

– Тогда почему мы здесь?

Он с шумом выдыхает, как будто я его просто дико раздражаю, – а так оно и есть, но, честно говоря, это только начало, наш паренек, считай, *ничего* еще не видел, – и игнорирует мой вопрос.

Это его любимый ход, как я начинаю понимать.

Я перевожу взгляд с его спины на свои израненные запястья.

– Что случилось с остальными? – спрашиваю я тихо.

– Какими остальными? – отрывисто отзывается он.

Я реально в шоке от того, что он мне ответил.

– С теми, кто тоже пытался тебя убить.

Всадник отворачивается от печи, в ледяных глазах пляшут отсветы огня.

– Я покончил с ними.

И я не вижу на его лице ни малейшего сожаления по поводу их смерти.

– Значит я у тебя первая жертва похищения? – уточняю я.

Он фыркает.

– Едва ли жертва, – говорит он. – Тебя я решил сохранить и сделать из тебя показательный пример. Возможно, тогда другие недоумки хорошенько задумаются, прежде чем захотят уничтожить меня.

Сейчас и только сейчас до меня доходит, в чем ужас моего

положения.

Я не дам тебе умереть. Слишком быстро. Страдания созданы для живых. И поверь, я заставлю тебя страдать.

По спине бегут мурашки. Стертые до крови запястья и ноющие ноги, судя по всему, еще цветочки.

Худшее впереди, теперь я в этом уверена.

Глава 6

Я все еще не заболела.

И до сих пор жива. Впрочем, последнее не вызывает у меня большого энтузиазма.

На следующий день все тело болит еще сильнее. Раны на руках – сплошная острая, пульсирующая боль, плечи сводит и дергает, потому что я связана и часами сижу в одной позе, желудок уже готов переварить сам себя, а ноги ватные и ни на что не годны.

И я по-прежнему привязана к этим гадским перилам.

Единственная радость – несколько стаканов воды, приннесенных мне Мором (один из которых я нечаянно вылила на себя, потому что руки связаны, а Бог явно ненавидит меня), да тот факт, что всадник любезно согласился снова отвести меня в туалет, «чтобы не пришлось чувствовать мою мерзкую вонь».

Ненавижу ублюдочного красавчика.

– *Но главное, будь верен сам себе*, – бормочу я себе под нос. Строчка из «Гамлета» возникает в памяти ни с того ни с сего. Ее смысл стал избитым, истерся, как речные камни, от времени и бесконечных повторений – и все равно эти слова производят на меня впечатление. – *Тогда, как вслед за днем*

*бывает ночь...*¹

Мой голос прерывается при виде Мора.

Вчера вечером он был одет в джинсы и фланелевую рубашку, зато сегодня утром облачился в черный костюм, который сидит на нем как влитой. Что ткань, что покрой его одежды выглядят, как ни странно, одновременно древними и остроумными, но я не могу объяснить, в чем тут хитрость. Может быть, дело даже не в костюме, а в этой короне на его голове или в луке с колчаном, небрежно закинутыми за плечо. В любом случае, вид у него явно нездешний.

– Я собираюсь отвязать тебя, смертная, – говорит он вместо приветствия, – но имей в виду: если попытаешься сбежать, я подстрелю тебя и снова притащу сюда.

Я смотрю в глубокий V-образный вырез его темной рубашки, где виднеется край светящейся татуировки.

– Ты слышишь меня? – спрашивает он.

Растерянно моргнув, я поднимаю глаза на его лицо.

Все зажило окончательно, не осталось и воспоминания об ожогах – даже волосы отросли до прежней длины. Всего сутки понадобились ему, чтобы полностью восстановиться. Какая досада.

– Если дам деру, мне крышка. Усекла.

Сдвинув брови, он секунду смотрит на меня, хмыкает. И тащит меня на кухню.

Ногой подталкивает ко мне стул.

¹ Уильям Шекспир, «Гамлет», пер. М. Лозинского.

– Садись.

Я корчу ему рожу, но команду выполняю.

Отойдя от меня, Мор открывает дверцы шкафа, кажется, наугад, потому что захлопывает их и двигается дальше. В конце концов, он открывает холодильник и достает из него хлеб (*кто кладет хлеб в холодильник?*) и бутылку вустерширского соуса.

– На, подкрепись, – говорит он, бросая их мне. Мне чудом удается поймать связанными руками бутылку соуса. Хлеб летит мне в голову.

– Есть тебе придется на бегу, – сообщает Мор. – Сегодня я не стану тратить время на перерывы.

Я все еще разглядываю бутылку соуса. Неужели он действительно думает, что я могу это пить?

Он дергает за привязь и шагает к двери. Приходится упасть на четвереньки, чтобы поднять с пола хлеб. Пока Мор привязывает меня к задней части седла, мне удастся сунуть в рот два толстых ломтя хлеба и несколько расчихать по карманам. А потом мы уходим, и я вынуждена бросить оставшийся хлеб и полностью сосредоточиться на том, чтобы не отстать. С самого начала я понимаю, что сегодня не будет, как вчера. Слишком болят ноги, а сама я полностью выдохлась. Каждый шаг – пытка, и никакой страх не может заставить меня бежать с такой скоростью и на такое расстояние, как требуется.

Через двадцать, может, двадцать пять километров я па-

даю, с размаха ударившись о дорожку.

Конь рвется вперед, почувствовав, что весу добавилось, и у меня вырывается вопль, потому что руки дергает с такой силой, что почти выбивает их из суставов. Веревка впивается в раны на запястьях, и я снова кричу от дикой, слепящей боли.

Он не останавливается. Плечи и запястья тянет невыносимо. Я хватаю ртом воздух и готова снова заорать, но даже этого не могу: боль настолько сильна, что у меня перехватывает дыхание.

Мор наверняка заметил, что я упала, он должен был почувствовать сопротивление, да и крики мои он слышал, я уверена, но он даже не смотрит на меня.

Я и раньше его ненавидела, но что-то в его беспощадности режет больше ножа.

Он здесь, чтобы уничтожить человечество, чего еще ты ожидала?

Нужно поднять голову, чтобы не разбить ее, пока конь тащит меня за собой. Вчерашний снег почти растаял, и голый асфальт скребет спину, как наждачная бумага. Я почти чувствую, как моя толстая куртка разваливается слой за слоем. Скоро от нее ничего не останется, и тогда... не знаю, сколько смогу продержаться.

Проверить это на собственной шкуре мне не удастся.

До того, как дорога разорвет мне кожу, Мор останавливает лошадь перед каким-то домом.

Я, совершенно измотанная болью, роняю голову на руки. Смутно, как в тумане, чувствую, что всадник отвязывает мою веревку от седла.

Слышу шаги, он подходит ко мне, останавливается.

– Вставай.

В ответ я могу только застонать. Черт, как же все болит.

Секунду спустя он наклоняется и поднимает меня. У меня вырывается жалкий всхлип. Больно даже от прикосновений.

Прикрываю глаза и, пока он несет меня к крыльцу, устало опускаю голову ему на грудь, прислонясь щекой к золотой броне.

Я не вижу, как Мор стучит в дверь, только слышу. Из дома доносится голос.

– Боже ты мой, – причитает женщина. – Боже ты мой, *Боже*.

Я заставляю себя открыть глаза. Женщина средних лет смотрит на нас затравленным, полным ужаса взглядом.

Почему она не эвакуировалась со всеми? О чем только думала?

– Мы здесь не задержимся, – бросает он, шагая мимо нее.

Она изумленно оборачивается, наблюдая за этим вторжением.

– Только не в *мой* дом! – пронзительно кричит она.

– Моей пленнице нужно поесть, отдохнуть и воспользоваться вашими удобствами, – продолжает Мор, будто хозяйка и не подавала голоса.

Слышу, как позади нас она захлебывается, давится словами и, наконец, говорит:

– Вы должны *уйти*. Сейчас же.

Слова падают в пустоту. Мор уже идет к лестнице. Поднявшись на второй этаж, он опять открывает двери пинками, и женщина ничего не может с этим поделать. Ворвавшись в скудно обставленную спальню, он так же ногой захлопывает за собой дверь.

Он кладет меня на кровать и отходит, скрестив на груди руки.

– Ты меня задерживаешь, смертная.

Лежа на кровати, я смотрю на него.

– Так отпусти меня.

Или убей. Честно, смерть может оказаться для меня лучшим выходом.

– Ты так быстро забыла мои слова? Я не намерен отпустить тебя, я собираюсь заставить тебя страдать.

– И хорошо с этим справляешься, – тихо бормочу я.

Его неодобрительный взгляд после моих слов становится еще более недовольным. Странно, я-то думала, что его это порадует.

Он кивает в сторону кровати, на которой я лежу.

– Спи, – это звучит, как приказ.

Ох, если бы это было так просто.

Даже при том, что меня замордовали до полусмерти, я не могу просто так закрыть глаза и заснуть – особенно, если

в окно светит солнце, а за дверью во весь голос рыдает хозяйка дома.

– Сначала развяжи, – говорю я и поднимаю связанные руки.

Он недоверчиво прищуривается, но все же подходит ко мне и распутывает веревку.

Потом наклоняется ко мне.

– Никаких подвохов, смертная.

Да уж, сейчас я – сплошное коварство.

Теперь запястья свободны, но по рукам течет кровь, а болят они просто убийственно. У меня вырывается глухой стон.

– Если ты ждешь моей жалости, будь готова к разочарованию, – говорит Мор, отходя к двери.

Нет, этот тип совершенно невыносим – даже несмотря на то, что раздражающе хорош собой. Наоборот, от этого только хуже. Потому что Мор относится к наиболее агрессивной форме самого ненавистного для меня типа мужиков: смазливый козел.

Я кошусь на него: скрестив руки, он продолжает смотреть на меня. Видно, это доставляет ему удовольствие, но на лице легкая брезгливость.

Наши чувства взаимны.

– Я не смогу уснуть, пока ты на меня смотришь.

– Очень жаль.

Вот, значит, как теперь будет.

Я сажусь, кое-как стягиваю верхнюю одежду, которая к этому времени превратилась в сплошные лохмотья. Отбросив рванье, я забираюсь под одеяло и стараюсь не ужасаться мысли, что лежу в спальне женщины, которую вскоре поразит зараза Мора.

Все так запутано.

Под одеялом пробую коснуться запястья и едва не взвиваюсь, прикусив нижнюю губу, чтобы не заорать. До рук невозможно дотронуться. Даже прикосновение мягкого постельного белья – настоящая пытка.

Мор сидит на полу, спиной опираясь о стену, и весь его вид говорит: *я нигуда отсюда не уйду*.

Переворачиваюсь на другой бок, чтобы хоть на пару секунд забыть о том, что он существует, и вообразить, что этого нет – ни его, ни этого дня, вообще ничего.

Так я лежу некоторое время. Достаточно долго, чтобы подумать о своих ребятах из команды – живы ли они, пережили ли лихорадку? Я заставляю себя представить, что они в порядке, прячутся в охотничьем домике моего деда и играют себе в покер, сидя у костра, как мы сживали, бывало, когда я была совсем девчонкой.

Они думают, я умерла.

Я вспоминаю папины слезы в начале этой недели. В каком шоке были они все. Он ведь так гордился, когда я поступила в пожарную команду. Он никогда и не хотел, чтобы я шла в университет, и неважно, что с раннего детства я была по-

мешана на английской литературе, настолько, что однажды пришла на праздник в костюме Эдгара По (вот такая я была сексапильная девица), или что по выходным я часами сидела и писала длинные поэмы. А уж когда появился всадник, университет навсегда отошел в область сладких грез.

Слишком непрактично, говорил мне папа. Да и куда ты потом подашься со своим дипломом?

Интересно, что бы он сказал сейчас...

– Всадник, – зову я.

Тишина.

– Я знаю, что ты меня слышишь.

Он не отвечает.

– Ты серьезно? Решил мне бойкот объявить?

Он недовольно вздыхает. *Ура.*

Я вытягиваю из покрывала торчащую нитку.

– Мы тянули жребий, – начинаю я. – Чтобы решить, кто будет тебя убивать.

Мор молчит, но я чувствую его взгляд на спине.

– Нас оставалось четверо, – продолжаю я. – Я, Люк, Бриггс и Феликс. Мы вместе работали в пожарной части, а в последние несколько дней до твоего появления помогали городским властям оповещать горожан, что им необходимо эвакуироваться. Конечно, мы не были уверены, что ты проедешь через наш городок. Уистлер не такой уж большой, зато он лежит прямо на трассе Си-ту-Скай, того самого шоссе, вдоль которого ты двигался, судя по сводкам в новостях. Когда мы

затеяли историю со жребием, остальные пожарные уже уехали, вместе с семьями. А мы, у кого своих семей нет, остались.

Перед глазами у меня встает папино лицо.

У тебя была семья, как и у Феликса, Бриггса и Люка. Только своих детей не было и мужа, а у ребят жен. И в конечном итоге именно поэтому мы и остались на эту последнюю смену.

Меньше народу будет по нам тосковать.

– Нас осталось четверо, – продолжаю я, – и мы подумали, что...

– Зачем ты мне это рассказываешь? – перебивает Мор.

Я делаю паузу.

– Разве тебе не интересно узнать, почему я в тебя стреляла? – спрашиваю я.

– Я знаю, почему ты стреляла в меня, смертная, – голос всадника звучит резко. – Ты хотела остановить распространение лихорадки. Все эти оправдания нужны не мне, а тебе самой.

Это заставляет меня заткнуться.

Я пыталась спасти мир. Я не злая и не жестокая, какой ты меня считаешь, хотела я сказать. Но почему-то его слова выжигают все мои объяснения, как кислотой.

В комнате надолго становится тихо.

– Ты прав, – заговариваю я после долгой паузы, переворачиваясь, чтобы видеть его. – Так оно и есть.

Мои доводы не имеют для него никакого значения, они не

меняют того факта, что я стреляла в него и подожгла. Что я не слушала, когда он умолял меня остановиться.

Всадник сидит, положив руки на согнутые в коленях ноги, уставившись на меня пронизывающим взглядом.

– Чего ты надеешься добиться, соглашаясь со мной? – спрашивает он.

– Ты тот, кого все называют Мором Завоевателем, – отвечаю я. – Разве ты можешь вспомнить хоть раз, когда ты проиграл спор?

Мор хмурится.

Я снова тяну за нитку.

– Хочешь верь, хочешь нет, но вообще-то я сожалею.

– О чем?

– О твоём убийстве – или, по крайней мере, попытке, – двойной, между прочим, потому что после того выстрела в упор Мор выжил только потому, что он бессмертный.

Он отвечает мне сухим смешком.

– Ложь. Ты говоришь так только потому, что ты моя узница и боишься того, что я собираюсь с тобой сделать.

Это верно, мне страшно при мысли об ужасных муках, которые приготовил для меня Мор, но...

– Нет, – говорю я вслух, – я сожалею не о том, что пыталась тебя убить. Я в полном ужасе от того, что именно с тобой сделала и ненавижу себя за это, но не жалею о том, что вызвалась на это. И все-таки, мне жаль.

Всадник очень долго молчит, сверля меня взглядом.

– Спи, – говорит он наконец.
И я засыпаю.

Глава 7

Я просыпаюсь посреди ночи, вырванная из сна звуками плача.

Удивленно осматриваюсь.

Думала, что все соседи успели эвакуироваться ...

Только пошарив рукой вокруг кровати и не нащупав масляной лампы, я понимаю, что здесь *нет* лампы.

Это не моя комната. Не моя квартира.

Воспоминания последних дней окатывают меня холодным душем.

Жребий на спичках, покушение на Мора, жестокое испытание бегом, которое продолжалось, пока я не свалилась без сил. Вместе с нахлынувшими воспоминаниями возвращается боль.

Ты заварила эту дерьмовую кашу, Берн, тебе ее и расхлебывать.

Звуки плача сбивают меня с мысли, и я вспоминаю про хозяйку дома. Сколько часов назад мы остановились у ее двери?

Двенадцать? Больше? Меньше?

Я снова пытаюсь нащарить лампу. Теперь, когда с электричеством постоянные перебои, люди держат масляные лампы и фонари. Пальцы скользят по прикроватному столику, однако натываются не на лампу. Это стакан с водой, а ря-

дом кувшин.

Неужели это Мор поставил?

Это не укладывается в голове. Слишком уж добрый поступок для такого, как он.

Я выбираюсь из-под одеяла, встаю и тихонько выхожу в прихожую, собираясь идти на звук, который слышится, кажется, из комнаты в глубине дома. Но останавливаюсь.

Что ты хочешь сделать, Сара? Утешить ее? Ты вторглась в ее дом, как та девочка из сказки про трех медведей. Неужели ты думаешь, что она захочет иметь с тобой дело?

Обвожу взглядом полутемный коридор один раз, другой, ищу Мора. Крадучись возвращаюсь в свою комнату. В темноте видно неважно, но уж всадника я бы точно заметила, но его здесь нет.

Он ушел.

Я не позволяю себе терять время на раздумья, куда отправился Мор. Неизвестно, много ли у меня времени до его возвращения.

Так что не будем его терять.

Усилием воли я заставляю себя не обращать внимания на рыдания женщины. Помочь я ей ничем не могу. Она умрет, как и все они – как *должна* была бы умереть и я – и не в моих силах это изменить.

Я пыталась, хочу я сказать ей, я пыталась, но всадника невозможно убить, и мне очень жаль, но я не думаю, что хоть кто-то из нас выберется отсюда живым.

Может, только я. Сегодня. Сейчас.

Я хватаю одежду, которая валяется на полу там же, где я вчера ее бросила. Стараясь не шуметь, натягиваю ее, трясущимися пальцами застегиваю пуговицы.

Скорей, скорей. Пока он не вернулся.

Надеваю ботинки и тихо подхожу к окну. Открываю его и морщусь от порыва ледяного ветра, мгновенно обжегшего легкие и растрепавшего волосы.

Вот дерьмо. До чего же не хочется выходить на улицу в такую ночь.

Я замираю в нерешительности. Может, все-таки остаться с Мором – в конце концов, он не собирается меня убивать.

Он хочет заставить тебя страдать.

Значит, снова бег, снова окровавленные руки, снова такие дни, как этот, когда нет сил за ним поспевать. И это если предположить, что Мор не решит, что я должна страдать еще больше. Что-то не хочется оставаться ради того, чтобы узнать, какие еще изощренные наказания он изобретет.

Приняв решение, я выбиваю из окна противомоскитную сетку. Через секунду слышится тихий удар – это она упала на землю.

Делаю глубокий вздох, набираясь смелости.

Забираюсь на подоконник. На улице снова идет снег, он уже покрыл землю тонким слоем. Эта земля внизу сильно меня беспокоит. Как бы мне, спрыгнув отсюда, со второго этажа, не переломать ноги. Может, и обойдется, но шанс

неудачного приземления надо учитывать. Осторожно сползаю по стене все ниже, пока, наконец, не повисаю на вытянутых руках, благодаря судьбу за то, что работа в пожарной части помогла укрепить мышцы плечевого пояса.

Разжимаю руки.

Бесконечно долгое мгновение я словно парю в невесомости. И в следующий миг ударяюсь ногами о землю. Медленно выпрямляюсь. Ни растяжений, ни переломов – на этот раз удача на моей стороне.

Я бросаю прощальный взгляд на дом и бегу прочь.

Несусь к дороге, хотя каждая мышца восстает против этого.

Я свободна. Черт возьми, я свободна!

Сзади раздается тихое шипение или свист. Я ошибочно принимаю этот звук за ветер, но тут мне в спину, под правую лопатку, втыкается что-то острое, вроде ножа.

От боли у меня перехватывает дыхание, ноги словно натываются на препятствие, а место ранения теплеет.

Кровь, догадываюсь я. Ты истекаешь кровью, потому что в спине у тебя стрела.

Можно было догадаться, что так будет, но, оказавшись в пустой спальне, я не могла не предпринять эту попытку.

Надежда – ужасная вещь.

А теперь – Иисус и святые угодники, рана печет так, что перехватывает дыхание.

Даже не пытаясь оглянуться, я заставляю себя бежать.

К чему, я и так знаю, что там. Гордый собой Мор, с луком в руке, смотрит на меня, как охотник на дичь.

Если я сейчас остановлюсь, он меня схватит.

Я делаю нечеловеческое усилие и *рвусь* вперед, к опушке леса, под ботинками хрустит снег. Если доберусь до леса, у меня еще есть шанс скрыться от него.

С каждым движением стрела проникает в тело все глубже.

Бывало и похуже, Берн. Ты оказывалась в огне, чувствовала, как пламя лижет кожу и поджаривает тело. Но ты справилась и осталась жива.

И это переживу... если только его стрела не отравлена ядом... или заразой. Я стараюсь не думать о ней. Стараюсь не фантазировать о том, что буду делать, если побег удастся. О том, что могу убежать от него только для того, чтобы тут же загнуться от лихорадки...

Я почти добегаю до подлеска, когда меня настигает вторая стрела, ее кончик впивается пониже спины.

И снова я спотыкаюсь, колени подгибаются. Вторая стрела, кажется, поразила не только мышцы. При каждом движении все тело болезненно подергивается.

Слышу топот копыт за спиной.

Пошевеливайся, – твержу я себе, а вокруг вьются снежные вихри.

Я поднимаюсь на ноги, заставляя себя идти.

Силы на исходе, я чувствую, как кровь пропитывает разорванную одежду, и ткань мгновенно становится ледяной.

Всаднику требуется меньше минуты, чтобы настичь меня. От дыхания коня в ночном воздухе клубится пар.

Взгляд Мора обжигает, но я не смею взглянуть на него. Бежать уже бесполезно, но я никак не могу остановиться.

Мор спешивается, я слышу грохот доспехов, хруст снега и сухих веток под его ботинками.

Два шага, и он нависает надо мной. Его рука сжимает пронзившую меня стрелу.

– Не надо...

Он безжалостно выдергивает ее. Я кричу, потому что, выходя, острие еще сильнее рассекает мышцы и сухожилия. Мор отбрасывает стрелу в сторону, так и не сказав ни слова. И снова меня пронзает нестерпимая боль, когда он хватается за вторую стрелу.

Умоляю. Это слово вертится на кончике языка, но мне кажется, что именно этого и добивается Мор – чтобы я молила сохранить мне жизнь так же, как он молил меня. И я скриплю зубами. Он скорее провалится в тартарары, чем получит от меня то, чего хочет.

Когда он выдергивает вторую стрелу, боль такая, словно мне отрывают ноги. По спине струйками стекает кровь, кажется, я едва не стерла себе зубы.

– Поскольку ты доказала, что так же вероломна, как и твои собратья, – голос Мора пронизывает насквозь, как и его стрелы, – отныне спать ты больше не будешь. Это роскошь, которая тебе больше не полагается.

Он грубо хватает меня за руки, разматывает притороченную к поясу веревку.

– Что ты делаешь? – спрашиваю я, начиная всерьез паниковать.

Только не это. Только не веревка.

Господи!

Мне становится совсем плохо при мысли, что, раз я пыталась сбежать и попалась, теперь все будет намного *хуже*.

Опустившись на колени прямо в снег, Мор с мрачным и злобным лицом связывает мне запястья.

Если я не вырвусь сейчас, то умру.

Собравшись с силами, я пинаю Мора, мой тяжелый ботинок с размаху бьет его в бедро. А ему хоть бы что, слегка качнулся – и только.

Он затягивает узлы на моих запястьях, и я воплю от острой боли. Поджав губы, всадник пропускает другой конец веревки под седло.

– Не надо. *Пожалуйста!* Нет-нет-нет, – бормочу я почти машинально, из глаз вытекают две слезинки.

У меня две открытые раны в спине, ночной морозный воздух проникает под одежду и обжигает кожу.

– *Зачем* ты это делаешь? – то ли спрашиваю, то ли всхлипываю я.

Мор смотрит на меня.

– Ты забыла, что совсем недавно сделала со мной? – он рывком дергает за веревку. – Вставай.

Я не встаю. Не могу, у меня нет сил на то, чтобы *встать*.

Всадник не тратит времени на то, чтобы посмотреть, подчиняюсь ли я его приказу. Он вскакивает в седло и цокает языком.

Конь трогает с места, у меня есть всего секунда, чтобы собраться и вскочить на ноги, пока он не поволок меня за собой.

И вот мы снова в пути.

Глава 8

Не знаю, как долго мы идем сквозь темную холодную ночь, но мне все это кажется бесконечным. Руки онемели, ноги не гнутся от холода, а в спине пульсирует такая боль, что раны, скорее всего, серьезные.

Но Мор, несмотря ни на что, тянет меня за собой.

Поначалу его конь идет не спеша, хотя я не думаю, что это ради сочувствия ко мне. Скорее, мне кажется, всадник решил растянуть мою агонию. Постепенно скакун набирает скорость, пока рысь не переходит в галоп, и он скачет во весь опор.

Некоторое время я держусь. Так-то вот. Несмотря ни на что, я каким-то образом умудряюсь не упасть.

Но разве хоть кто-то, кроме этого подлого бессмертного уродца, может бодрствовать вечно?! Недосып, недоедание, холод, раны и усталость – все это валит меня с ног.

Я оступаю, падаю как подкошенная на заснеженную дорогу и больше не поднимаюсь. От мощного рывка рука выскакивает из плечевого сустава.

Вот теперь я ору. Теперь я проиграла.

Все тело горит как в огне, от такой боли люди, наверное, сходят с ума.

Я и не знала, что бывает настолько больно. Боже... Боже... Боже, прекрати это, умоляю, прекрати это. Прости меня за

то, что я стреляла в Твоего Всадника, только, пожалуйста, пусть он остановится.

Но он не останавливается. Если у Бога и есть милосердие, Он не тратит его на меня.

Меня тащат по снегу, холод обжигает.

Одежда немного защищает, но ненадолго. Очень скоро я голой спиной чувствую дорожный лед, и не знаю, как долго протянется моя агония.

Знаю только одно: хуже мне никогда еще не было.

Я кричу, пока в надсаженном горле не пропадает голос. Руки вот-вот оторвутся от тела. По-другому это закончиться не может. И мне так больно, что лучше бы они уже *поскорее* оторвались, чтобы я могла спокойно истечь кровью и наконец подохнуть.

Этого не происходит.

Только боль, боль и боль, только сплошная проклятая боль. Я горю, как в огне, хотя огня нет. Я пылаю и умоляю: пожалуйста, остановись, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста...

Глава 9

Я прихожу в себя от сильной пульсирующей боли в плече. Кричу, пока чужие руки освобождают меня от пут, и боль становится чуть слабее.

Мир вокруг расплывается цветными пятнами, мышцы тянет самым мучительным образом. *Почему* все так болит?

Постепенно пятна начинают обретать очертания, пока не совсем четкие, но я хотя бы понимаю, что вижу лицо. Надо мной склонился ангел, его лицо пока еще расплывается.

Я в раю?

Но, если я в раю, почему я чувствую боль?

Приподнявшись, я нежно глажу ангела по лицу дрожащей рукой. Рука распухла, пальцы посинели, из запястья сочится кровь. Он морщится и отстраняется.

– Я умерла? – спрашиваю я (или мне так кажется), но ангел молчит.

– Останься, не бросай меня, – шепчу я и пытаюсь найти его руку. А найдя, сжимаю ее. – Умоляю.

Нельзя произносить это слово.

Почему мне нельзя было произносить это слово?

Что-то насчет мольбы, но я не могу вспомнить...

Все уносится куда-то, дальше и дальше от меня.

Я сжимаю его руку.

– Останься со мной, – повторяю я.

Но и ангел, и весь остальной мир исчезают.

Открываю глаза и вижу облезлый потолок. На миг мне кажется, что в жизни все нормально, рассудок начисто стер все воспоминания.

Кто-то пожимает мне руку, и я поворачиваю голову, озадаченная. И вижу его.

Не могу сдержать крик.

Нет ничего – *ничего* – более чудовищного, чем прекрасное лицо Мора, чем обрамляющие это лицо золотые волны волос.

Только когда он выпускает мою руку, как будто обжегся, только тогда я осознаю, что ублюдок *держал меня за руку*. Еще секунда уходит на то, чтобы я вспомнила, почему это наполняет меня слепой яростью.

Я пытаюсь бежать от всадника. Стрелы в спину. Меня привязывают и заставляют бежать за конем. Падение. Меня волокут. Боль. Смерть.

От этих воспоминаний я ахаю, ловлю ртом воздух, и осознаю весь кошмар ситуации.

– Я... жива.

Это кажется невозможным, учитывая, через что пришлось пройти. Казалось, меня рвут на кусочки.

– Страдание – для живых, – отвечает Мор. Я осматриваю комнату. Это чья-то гостевая спальня – не иначе, Мор занял очередной дом.

Я бессильно роняю руки на ветхую простынку. Он притащил меня в эту комнату и уложил на кровать, и, судя по всему, с тех пор я так здесь и лежу.

Не могу сказать, ужасает меня это или, наоборот, притупляет страх.

Он не дал мне умереть. Он хочет, чтобы я выздоровела... Только, чтобы снова заставить страдать.

Я сажусь в кровати, прикусив губу, чтобы не вскрикнуть от резкой боли в спине.

– Почему я здесь? – спрашиваю я.

– Я не позволю тебе умереть.

И вновь я не могу понять, что стоит за моим спасением – милосердие или проклятие.

Конечно, это проклятие, дура лопоухая. Он же не для того тебя спас, чтобы за тобой приударить.

– Ты стрелял в меня, потом связал и тащил по снегу, – даже от звука этих слов меня бросает в дрожь.

Синие глаза невозмутимы.

– Да, я это сделал.

Я шевелю плечом – как же ноет сустав!

– У меня была вывихнута рука, – говорю я, вспомнив эту муку.

Мор смотрит на меня долгим, изучающим взглядом (при этом вид у него, скотины, совершенно ангельский), затем кивает.

Я оглядываю себя. Моей рубашки нет, вместо нее чужая –

с какой-то толстой тетеньки, носившей старомодные тряпки, судя по жизнерадостному цветочному рисунку.

Кто-то видел меня раздетой. Я кошусь на Мора, который бесстрастно смотрит перед собой.

Возможно, это был он – значит, видел и мою грудь, и все остальное.

Фу. За что мне это?

Я шевелю рукой, чувствую, как что-то давит. Подтянув рукав, вижу, что запястья забинтованы мягкой белой тканью. Я трогаю повязку.

Мор сжалился надо мной?

Я вспоминаю, как жестоко он выдирал из моей спины стрелы.

Это невозможно...

Меня отвлекает ужасная пульсирующая боль в спине. Я сажусь прямее, чтобы снять нагрузку, и чувствую, что в живот впивается ткань.

Приподнимаю рубашку и любуюсь своим торсом, который, как и руки, обмотан многослойной повязкой.

Я провожу по повязке пальцем.

– Кто это сделал?

Мор сидит с совершенно непроницаемым лицом.

– *Ты?* – спрашиваю я наконец.

И чувствую, как кровь закипает от ужаса и возмущения, и... чего-то еще при мысли о том, как *он* снимал с меня одежду и лечил меня. Я силюсь представить, как он промывал

и обрабатывал раны на моем теле, но понимаю, что не могу.
Да и не хочу.

Он поджимает губы.

– Запомни мою доброту.

– *Доброту?* – не веря своим ушам, переспрашиваю я. –

Так ты же сам все это мне и *устроил*.

И будет делать это снова и снова, и снова, пока окончательно меня не сломает.

Вот дрянь, он не шутил, когда обещал мне страдания.

Верхняя губа Мора подергивается, как будто он удерживается от смеха.

Он встает, нависает надо мной – до чего же высокий.

– Больше не пытайся сбежать, смертная, – предупреждает он и выходит из комнаты.

– Мор! – зову я в тысячный раз.

Замолкаю и прислушиваюсь.

По-прежнему ничего.

Конечно, если бы я попробовала бежать, он бы в две секунды явился и поймал, зато, когда он правда нужен, не дозовешься.

– Мор!

Откуда-то издалека доносится стон, и я моментально остываю.

Здесь есть кто-то еще?

Мои размышления прерываются тяжелыми шагами.

Дверь открывается, а за ней Мор собственной персоной, похожий на принца из сказки.

Его взгляд падает на кровать, где я должна быть, и только потом опускается на пол, где я лежу на самом деле.

– Почему ты не в постели, смертная? – спрашивает он подозрительно.

Потому что я мечтаю снова совершить побег.

– Мне нужна помощь, – приходится переступить через гордость, чтобы выдать эти слова.

Хмуря брови, Мор входит в комнату и закрывает за собой дверь.

– Понимаешь ли ты, что я не имею большого желания делать это, учитывая нашу историю.

Нашу историю. Это звучит так, будто за плечами у нас целая сага.

– Знаю, – бросаю я.

Он ждет продолжения. Но сейчас, когда он здесь и выглядит, как отретушированный портрет парня-модели, я немного нервничаю.

– Видишь ли, – говорю я, ерзая по полу, потому что спина болит невыносимо, – мне нужно в туалет.

В принципе, я и раньше просила его сводить меня в туалет, и все же разница есть, потому что сейчас я не связана, а ранена, и моя слабость заставляет меня чувствовать себя беззащитной.

Вот почему я сижу на полу. Я попробовала сползти с кро-

вати и доковылять до туалета самостоятельно. Вот только не учла, до чего я ослабла, и как при этом начнут болеть все раны.

Я прошла полдороги до двери, но сдалась.

И вот теперь валяюсь тут.

Довольно долго Мор не реагирует. Потом молча подходит. Когда он опускается рядом со мной на колени, я немного напрягаюсь. Я знаю, что сама попросила его о помощи, но не могу забыть, каким мучениям он меня подверг.

Что за кошмарный поворот судьбы – зависеть от того самого человека, из-за которого и оказалась в таком положении.

Мор снизу подводит под меня руки и легко поднимает. Я вскрикиваю от резкой боли, пронзившей меня при этом движении. Чуть не плача от бесконечного унижения, я все же обхватываю всадника за шею, чтобы немного уменьшить давление на спину.

Лицо всадника приближается, и я невольно замечаю, что верхняя губа у него, оказывается, более пухлая, чем нижняя.

Не говоря ни слова, он относит меня в туалет и сажает на унитаз, не обращая внимания на то, что на мне до сих пор штаны. Я трогаю ткань. О, да это не мои, а *бабушкины джинсы*: широкие, с высокой посадкой, настоящие джинсы для толстой деревенщины.

Это значит...

Фу.

Всадник снова видел мои дамские штучки.

Он нависает надо мной.

– Попытаешься снова сбежать...

– Ладно, ладно, – перебиваю я. – Никуда я не денусь.

Мор хмурится, выходит из туалета и прикрывает за собой дверь. Он, видимо, понимает, что бежать я не в состоянии, иначе вряд ли оставил бы меня здесь одну.

Или так, или он уверен, что просто снова подстрелит тебя, если опять попробуешь дать деру.

Спустив за собой воду, я плетусь в ванную.

– Мор! – зову я после того, как, не с первой попытки, тяжело навалившись на раковину, все-таки добиваюсь своего и ополаскиваю руки.

Как только он подходит, я без сил падаю ему на руки.

На этот раз, обнимая его за шею, я даже не чувствую унижения, настолько я жалкая и измученная.

– А мне казалось, ты запретил мне спать, – говорю я, когда он кладет меня на кровать.

Он так близко и смотрит в упор, а глаза у него хрустально-голубые. Цвета неба в ясный день. А на голове корона – зловещее напоминание о том, кто он такой.

Небесные глаза сужаются в щелки, а углы губ, и так-то уже недовольно надутых, ползут вниз.

– Не заставляй меня пожалеть о своей доброте.

Я не успеваю ответить, он выходит из комнаты, и я снова остаюсь одна.

Проходит два дня, прежде чем я чувствую в себе силы самостоятельно встать с кровати.

Все это время Мор кормил меня (судя по тому, какую еду он выбирал, он понятия не имеет, чем питаются люди) и водил в туалет и ванную.

Другими словами, я замечательно провела время.

Нет.

Когда рядом со мной не было всадника, я все время проводила одинаково: спала. Спала и видела странные сны. В них были мои родители, где-то рядом, но я не могла их коснуться. Они что-то шептали, порой кричали, а под конец тихо покашливали и скрывались из виду.

И вот я выползаю в коридор на дрожащих ногах, в полном восторге от того, что снова могу ходить. Не то чтобы я в норме – до этого еще как до Луны. Все болит, и вставать еще рановато, но мне нужно в туалет, а каждый раз сообщать об этом Морю мне надоело.

Мне удастся успешно воспользоваться туалетом, а потом сунуть голову под кран в ванной, чтобы выпить столько воды, сколько сама вешу. После этого решаю обследовать дом.

Выйдя из ванной, я на миг замираю и прислушиваюсь. Если всадник и рядом, он ничем не выдает своего присутствия. Но я сомневаюсь, что он здесь. У нас в последние дни установилось что-то вроде ритуала: я зову и зову, выкрикивая его имя, а он никогда не появляется сразу. Я начинаю думать,

что он и в доме-то появляется только, чтобы принести мне еду и питье или помочь с туалетом.

Не хочу задумываться над тем, уж не привязывается ли он ко мне. Не хочу забывать, что он стрелял мне в спину (дважды), а потом волок по снегу, пока я не отключилась от боли. Не хочу забывать, что он и сейчас ездит из города в город, сея смерть, и тащит меня за собой.

Мы враги, коротко и ясно. Сам Мор не забывает об этом с того дня, когда я в него стреляла. И мне тоже надо стараться помнить, каким бы заботливым он сейчас ни казался.

Мое внимание привлекает странное жужжание, доносящееся с потолка. Над головой мягко мерцает свет. В первый раз я замечаю, что в доме есть электричество, по нынешним временам это роскошь. Счастличики. В квартире, где я жила, такого и в помине не было. Только масляные лампы и фонари.

Я бреду по коридору, добираюсь до комнаты, похожей на гостиную, и до кухни за ней. Теперь, когда насущные проблемы решены, я, помимо других, более сильных, более чувствую, как крутит и сводит от голода желудок.

Не знаю, что я найду в доме, но что угодно будет лучше той странной пищи, которую пытается мне скормливать Мор – вроде горчицы или сырых невареных макарон. Ерничая, конечно, но если бы меня спросили, я сказала бы, что всадник не слишком близко знаком с человеческой кухней.

Воздух в доме затхлый, будто он слишком долго простоял

закрытым в жару и что-то скоропортящееся протухло.

Мое внимание привлекают рамки, висящие на стенах по обе стороны коридора. Семейные фотографии. Мне становится не по себе. Видно, ужасы Апокалипсиса нас разрушают, если так легко забыть, что у пострадавших людей тоже были семьи, как и у нас.

Я рассматриваю снимки, расположенные по хронологии. Сначала неловкие детские фотографии – те, на которых родители выставляют тебя напоказ голышом и думают, что это очень мило, но ты становишься старше, и тогда впору разорвать эти дерьмовые фотки, потому что твои приятели видят их и смеются над тобой.

Дальше следуют портреты очаровательных малышек, их сменяют беззубые улыбки первоклашек. Почему эти семейные фотографии кажутся старомодными, устаревшими – то ли виноват большой кружевной воротник жены, то ли гигантские бифокальные очки ее мужа, превращающие глаза в две бусинки, то ли стрижка «под битлов» у обоих их сыновей.

Я касаюсь рамки, слегка улыбаясь. Сколько лет этим двум мальчикам сейчас? Около тридцати? Или уже под сорок? Обзавелись ли они своими семьями?

В конце коридора фотографии заканчиваются, я захожу в гостиную.

И зажимаю рот, чтобы не завизжать.

На узком диванчике лежит человек в одних трусах, и ему

явно очень худо. Вся кожа, не скрытая одеждой, сплошь покрыта мелкими нарывами.

К моему ужасу, некоторые из этих нарывов лопнули, и там кровь и гной, и еще какая-то мерзость, при виде которой мой рот наполняется желчью.

Я много чего повидала, пока служила пожарной, но ничего подобного видеть не приходилось.

В воздухе стоит неприятный запах, которого я раньше не замечал. Это запах гниения.

У этого парня лихорадка.

Позорный голосок внутри меня уговаривает убежать как можно дальше от него. Он же заразный, к гадалке не ходи.

Ты сотрудник спасательной службы, Берн. А по большому счету это то и значит. Жертва, а если нужно, смерть.

Мой взгляд возвращается к лицу мужчины. Волосы тускло-рыжеватые, уже сильно поседевшие, а лицо измученное, обрюзгшее – такой кожа становится уже сильно после сорока. А глаза красные, налитые кровью, и он смотрит на меня, а грудь чуть заметно приподнимается и опадает.

Господи Иисусе, да он еще жив.

Глава 10

Мор хотел, чтобы я это увидела. Я в этом уверена, как и в том, что знаю собственное имя. Физические страдания – это только часть наказания за то, что я попыталась его прикончить. А вот и другая часть – видеть смерть во всей ее мерзости.

Нет, не просто видеть. И не просто мучиться от бессилия и невозможности положить этому конец, но еще и сопровождать Мора, как будто я его соучастница, а то и играть какую-то роль в распространении этой смертельной заразы.

Я смотрю на неподвижно лежащего человека, пытаюсь припомнить все, что слышала об этой инфекции.

В новостях упоминали про нарывы. Что сначала появляются шишки, покрывающие чуть ли не каждый сантиметр тела. Что на последних стадиях болезни они лопаются, как перезрелые плоды, потому что тело разлагается изнутри.

Они называли это *некрозом*. Ткани умирают и гниют, хотя человек еще жив.

Волосы буквально встают дыбом. Это я должна болеть и мучиться. Нет, я должна была *умереть* от этой хвори. Так нет же, я до сих пор жива и достаточно здорова, чтобы наблюдать, как погибает этот несчастный.

Я снова смотрю на него, вижу язвы, открытые раны и все остальное. В современном мире никогда не было ничего по-

добного. Эта штука скорее напоминает о старых ужасиках или о европейских сказках из мрачного Средневековья. Но ей совсем не место здесь, где еще недавно ездили машины и летали самолеты, звонили телефоны и был интернет.

Вот только современный мир исчез, кончился. Погиб в считанные месяцы после появления всадников. И теперь мы почти всего лишились, мир кубарем катится назад, в древние века.

Хотя больше всего мне хочется сбежать отсюда, я неуверенно шагаю вперед. Я пожарный, черт побери. Я привыкла каждый день видеть всякую жуть и дерьмо. Видеть и *исправлять*.

Я делаю еще шаг вперед и замечаю, как безучастные глаза мужчины пытаются следить за мной.

Жив и в сознании. Я сажусь перед ним на корточки, чувствую запах аммиака и экскрементов. Мне Мор помогал с туалетом, но не оказал той же милости нашему хозяину — или кто там этот человек на самом деле.

На меня опять нападает неуверенность.

Я опять начинаю колебаться. С одной стороны, я боюсь, что, пытаясь помочь, только причиню ему боль. Не говоря уже о том, что есть большая вероятность заразиться в процессе, а этого очень не хотелось бы. Но с другой стороны, я соприкасаюсь с Мором уже намного дольше, чем этот человек. Мор связывал меня, расстреливал и тащил по снегу, а я все еще жива. Жива и не тронута лихорадкой.

Почему-то она обходит меня стороной.

Но даже если, допустим, я ошибаюсь и до сих пор мне просто случайно удавалось избежать заразы, чего я боюсь? Что будет больно? Рискну предположить, что вряд ли это будет хуже того, что я уже пережила. Что я умру? Ну, тогда, по крайней мере, меня больше не будет тошнить от присутствия проклятого всадника.

Нет худа без добра, я в это верю.

Я присаживаюсь перед больным на корточки, беру его за руку. Надо же, какая горячая.

Он пытается что-то прохрипеть и покачать головой.

– Не нааа... тро...ать... болллен... – шепчет он.

Я пожимаю ему руку.

– Все нормально, – мягко говорю я. – Я здесь, чтобы помочь.

Он закрывает глаза.

– Всеее... уме... – хрипит он с искаженным болью лицом. – Я посссслед...

У меня падает сердце. Запах разложения, возможно, исходит не от этого парня. Он может идти от других людей... ставших *телами*.

А я за все время, пока лежала и приходила в себя, даже не заметила присутствия других людей в доме.

Большую часть времени ты валялась без сознания или спала, – напоминаю я себе.

...К тому же, может, я и замечала. Может, мой бред

совсем не был бредом, а звуками, которые просачивались в мою комнату, и я слышала их сквозь сон.

Я снова смотрю на лежащего передо мной человека. Ему, похоже, пришлось быть свидетелем болезни и смерти всех, кто жил в доме, и вот теперь он и сам умирает. Где-то в глубине души он понимал, что остается последним, а значит, некому будет о нем позаботиться.

Тыльной стороной ладони я щупаю ему лоб, потом шею. Он весь горит. Сейчас, забыв на время о нарывах и ранах, уродующих его тело, я замечаю, что у него запеклись и потрескались губы.

Я решительно встаю и иду в кухню. Схватив полотенце, я подставляю его под кран. Поискав по шкафам, нахожу пустой стакан, а потом случайно наткнувшись, прихватываю заодно и бутылку «Ред Лейбл»².

Налив в стакан воды, я возвращаюсь со всем этим в гостиную, пытаюсь (безуспешно) не думать о том, что у меня в этом доме есть кровать, а у него нет. Что сделал Мор? Может, он уложил меня как раз на кровать этого парня?

Расставив все на журнальном столике, я беру мокрое полотенце и начинаю бережно обтирать больному лицо и шею. Потом спускаюсь ниже, стараясь по возможности не касаться нарывов и язв, чтобы не причинять ему лишней боли.

Беру со столика стакан с водой и бутылку виски. Держа перед ним то и другое, спрашиваю: «Что лучше?»

² “Johnnie Walker” с Red Label – известная марка шотландского виски.

Ни секунды не потратив на размышления, мужчина глазами показывает на виски.

– И правильно.

Воду я выливаю прямо на ковер – ну и что, что лужа, какая к чертям разница, если в доме полно чумных трупов – и до половины наполняю стакан алкоголем.

Подведя руку ему под спину, я, не обращая внимания на собственные проснувшиеся боли, немного приподнимаю его, чтобы было удобнее глотать. Другой рукой подношу к его губам стакан виски.

Он опустошает его в пять глотков.

– Еще, – хрипит он, и на этот раз голос слышен лучше.

Снова наполняю стакан до половины, и он снова выпивает. А потом еще раз.

Я с такой дозы алкоголя загремела бы в больницу с отравлением, но мне кажется, что в этом есть смысл. Эту заразу не победить. Уровень смертности стопроцентный. Сейчас речь идет о том, чтобы хоть немного облегчить страдания.

Видя, что он осушил третий стакан, я снова тянусь за бутылкой, но он приподнимает руку, еле заметно. *Хватит.*

– Спасибо, – сипит он.

Я киваю, сглотнув ком в горле. Взяв его за горящую жаром руку, я держу ее в своей.

– Хотите, я останусь? – спрашиваю я. Я не договариваю: *и пробуду здесь ваши последние часы.* Хотя я не раз сталкивалась со смертью, все равно язык не поворачивается назвать

ее по имени.

Мужчина закрывает глаза, сейчас он немного расслаблен, заметно, что виски начинает действовать. Потом пожимает мне руку, и я расцениваю это, как *да*.

Глядя его по руке большим пальцем, я тихо начинаю читать Эдгара По.

– Здесь Смерть себе воздвигла трон, здесь город, призрачный, как сон...³

Слова из «Города на море» сами вырываются у меня, строки, которые я прочла и выучила давным-давно. Закончив это стихотворение, я иду дальше и читаю лорда Байрона «Ты умерла и юной, и прекрасной», а потом несколько строф из «Макбета», и еще всякие стихи и прозу, которые в свое время откапывала понемногу. Мир давным-давно забыл и думать обо всех этих поэтах, но сейчас их бессмертные строки уместны больше, чем когда бы то ни было.

Мужчина, лежащий рядом, больше не открывает глаз, но время от времени чуть покачивает головой, давая мне знать, что слушает.

В какой-то момент он перестает шевелиться. Хриплое дыхание замедляется, как будто он засыпает. Присев на корточки, я беру его за руку и жду, пока его грудь не перестает подниматься. Даже после этого я держу его руку, не отпуская, пока кожа не начинает остывать.

Я так и не узнала его имени. Я держала его за руку

³ Э. А. По «Город на море», перевод К. Бальмонта.

и немного облегчила ему уход, а вид изувеченного болезнью тела будет преследовать меня до конца дней, но не узнала имени.

Чувствую, эта мысль будет долго меня мучить.

Неожиданно для себя я хватаю бутылку «Ред Лейбл» и отхлебываю прямо из горлышка. Бутылку сую под мышку. Я уже чувствую, что она мне снова понадобится, причем скоро. Не сомневаюсь, что меня ждут новые истязания.

В конце концов, мои страдания только начались.

Глава 11

Мы уезжаем меньше, чем через час после смерти безымянного человека. Мор ведет меня, придерживая за плечо, его золотой лук и колчан со стрелами все время в поле моего зрения.

Напоминание о том, что он может со мной сделать.

Конь ждет нас. Поводья отвязаны, но он не уходит, словно для него нет большего удовольствия, чем дожидаться хозяина.

Мор берется за веревку, торчащую из седельного мешка. Распутав ее, он обматывает мои забинтованные руки.

При виде веревки на запястьях боль и страх мгновенно возвращаются.

Снова бежать. Могла бы догадаться.

Однако вместо того, чтобы примотать второй конец к седлу, Мор продевает его в петлю на своем ремне.

Мои брови ползут вверх. Такого я не ожидала.

Не глядя мне в глаза, Мор поворачивается ко мне и хватается под мышки. Хотя в последние два дня он носил меня в туалет и обратно, я все равно вздрагиваю от прикосновения. Не успеваю ничего сообразить, а он сажает меня на коня. Еще секунда – и он сидит позади меня.

Мор устраивается в скрипящем седле. Я со свистом втягиваю воздух от боли, прижатая к его доспехам. Левой рукой

с широко расставленными пальцами он придерживает меня за талию. Правая рука сжимает поводья.

Мор наклоняется к моему уху.

– Дернешься, – угрожающе шепчет он, обдавая ухо жарким дыханием, – я снова заставлю тебя бежать следом.

Кто бы сомневался. Но сейчас я думаю только о том, как отвратительна и в то же время интимна его близость.

Мор цокает языком, и конь трогает с места.

Я еду с одним из Всадников Апокалипсиса.

Просто чума.

Буду смотреть на конец света из первого ряда.

Хотя все тело ноет и болит, ехать на лошади все равно удобнее, чем бежать за ней со связанными руками.

– Я действительно чуть не умерла тогда? – спрашиваю я, вспоминая, как Мор тащил меня, всю израненную, по дороге.

– Неужели обязательно болтать?

Он просто само очарование.

– А тебе обязательно распространять заразу?

Мор не отвечает, но я спиной чувствую, что он размышляет.

– Почему ты меня спас? – не успокаиваюсь я.

– Я не *спасал* тебя, смертная. Я сохранил тебе жизнь. Это разные вещи. А в живых я тебя оставил, чтобы заставить страдать. Кажется, я уже объяснил тебе это.

Я дотрагиваюсь до своей груди. Там, под слоями чужой одежды, бинты, которыми перевязаны мои раны.

– Тебе пришлось изрядно повозиться, чтобы сохранить мне жизнь.

– Верно, – откликается он после короткой паузы. – Зато наказывать тебя снова и снова мне бесконечно приятно. Это доставляет мне огромное удовольствие.

Язвительные слова, вот только...

Я не верю. Господи, я *хочу* верить, потому что не могу выразить, как я его ненавижу... Но я не верю его словам. Не до конца. Сама не знаю, почему.

Некоторое время мы едем молча, наши тела покачиваются в едином ритме в такт аллюру. Вскоре я начинаю опять.

– Где ты научился очищать и обрабатывать раны?

– Какая разница? – интересуется он.

Я оглядываюсь и встречаю ледяной синий взгляд. Его волосы развеваются по ветру, и несколько прядей падают на лицо.

Столько красоты пропадает зря.

Поймав на себе мой взгляд, Мор недовольно стискивает зубы и переводит взгляд на дорогу.

– Да никакой, пожалуй. Просто я тебе благодарна, – и я не вру. Я вдруг поняла, что еще не готова умереть, даже учитывая, что это, возможно, для меня лучший выход.

– Мне все равно, – роняет он сухо.

Кажется, я застала его в хорошем настроении.

Нет.

– А еще... – я буквально чувствую, как Мор мрачнеет, но все-таки договариваю, – я не заболела.

– Тонкое наблюдение, смертная.

– Мне просто повезло или ты можешь управлять этой заразой? – спрашиваю я напрямую.

– Когда ты родилась, у тебя не было поврежденных органов? – задает он встречный вопрос.

Я не вижу его лица и поэтому трудно понять, к чему он клонит.

– Не было... – отвечаю с некоторой опаской.

– Отлично, – продолжает он. – Так попытайся воспользоваться тем, который у тебя в черепе.

Черт. Обидная подколка.

– Наверное, ты *можешь* управлять болезнью.

Он не отвечает.

– И ты отвел ее от меня, – добавляю я.

– Ты упорно внушаешь себе, что у меня альтруистические мотивы. Не думай, что я ценю твою жизнь. Ты жива только для того, чтобы я смог отомстить.

Ну да, конечно.

Опускаю глаза на загорелую руку всадника, которая все еще лежит на моем животе.

– Куда мы едем?

Мор так тяжело вздыхает, словно страшно устал от этого мира.

– Я имею в виду, – храбро продолжаю я, – где твой конечный пункт назначения?

Именно этот вопрос сейчас волнует людей во всем мире. Далеко ли заберется Мор.

– У меня его нет, смертная, – говорит он. – Я буду ехать вперед до тех пор, пока моя задача не будет выполнена.

Пока мы все не умрем. Он ведь это имеет в виду.

Он собирается скакать на коне по всему свету, пока не перезаражает всех.

Я чувствую под ложечкой такую тяжесть, словно желудок наполнен камнями.

Мор крепче прижимает меня к себе.

– Хватит вопросов. Твоя болтовня меня утомляет.

На это мне нечего ему возразить, да и нет желания. После его последнего ответа я поняла, что больше не хочу с ним разговаривать.

Так мы и едем в тягостном, тревожном молчании, и все это время всадник только и делает, что распространяет чуму.

К тому времени, когда Мор решает остановиться на отдых, день успевает смениться ночью. Я с опаской смотрю на одноэтажный дом, а всадник легко соскакивает с коня.

Очень надеюсь, я действительно очень надеюсь, что те, кто здесь жил, успели унести ноги.

Мор протягивает мне руки. Просидев целый день почти в обнимку с ним, я почти не вздрагиваю от его прикоснове-

ния. Пока он помогает мне слезть с лошади, я рассматриваю его в упор. Странное это чувство – полная незащищенность перед тем, кто то причиняет тебе боль, то заботится и ухаживает за тобой. У меня связаны руки, и я вынуждена принимать помощь этого сатанинского отродья, ведь самостоятельно мне не спешиться. И я замечаю, что в каждой мелочи пытаюсь увидеть его доброту, его сострадание. Это нелепо, и я сама это понимаю, ведь не надо забывать, что Мор – то самое зло, из-за которого я оказалась в этой ситуации, но это не мешает мне упорно искать в нем проявления человечности.

На миг наши взгляды встречаются, и в его глазах, впервые за все время, я не вижу обычной горечи и гнева. Но стоило мне об этом подумать, как все это возвращается.

Когда он ставит меня на землю, у меня подгибаются ноги, и я едва не падаю.

– Иисус и святые угодники, – бормочу я себе под нос. Оказывается, я основательно стерла внутреннюю поверхность бедер, а мышцы *болят*.

Я поднимаю глаза к небу. *Судя по всему, Большой Босс, сейчас я не самый твой любимый человек.*

Всадник, словно забыв обо мне, шагает к дому. Через пару секунд я чувствую рывок: это натянулась веревка, которой я все еще связана.

– Пошевеливайся, смертная, – бросает Мор через плечо. Как же я ненавижу этого урода.

Ковыляю за ним, с неодобрением наблюдаю, как он снова выбивает дверь ногой. Он вталкивает меня внутрь.

Чтобы глаза привыкли к полумраку, мне требуется время. В доме пахнет плесенью, словно он долго простоял закрытым. Это, да еще облачка пара, которые вырываются у меня при дыхании, наводит на мысль, что тех, кто здесь жил, сейчас здесь нет.

Мор шагает ко мне и грубо хватает за руку.

– Ты знаешь правила, – говорит он, развязывая узлы. – Если попытаешься бежать, моему милосердию придет конец.

Мой взгляд притягивает колчан с дюжиной золотистых стрел, который выглядывает у него из-за плеча. Я все еще помню, как стрелы впивались мне в спину. Спина в ответ на воспоминание тут же начинает болезненно пульсировать.

– Далось же тебе это слово.

Милосердие.

Милосердие – это наколоть дров для пары стариков, у которых нет ни сил, ни денег. Милосердие – это когда тебя участливо обнимают и тепло улыбаются.

А та чертовщина, которая творится со мной и вокруг – это вовсе не милосердие.

Веревка падает, и я, не сводя глаз с Мора, растираю забинтованные запястья.

Бросив последний мрачный взгляд на всадника, я бреду к камину. Хозяева позаботились о поленьях, спичках и даже старых газетах для растопки. Я укладываю поленья, потом

распикиваю растопку. Все это время я старательно игнорирую всадника, хоть и чувствую спиной его взгляд.

— Ну что, доволен? — почти кричу я.

Пауза.

— Чем, смертная?

— Как же, ты столько времени пялился на мою задницу! Налюбовался, наконец? — в моем голосе звучит нескрываемое презрение.

— Этот вопрос должен был меня оскорбить? — он искренне озадачен.

Ну, раз он требует ответа, тогда...

— Да.

Мор фыркает.

— Постараюсь не забыть об этом в следующий раз, когда ты захочешь поразить меня своими *убийственными* словами.

Я так и чувствую, как он радуется своему язвительному ответу.

Ладно, всадник, на этот раз твоя взяла...

Я оглядываюсь на него через плечо. Доспехи и корона светятся в темноте.

— *Какой* же ты придурок, — с чувством говорю я.

Он хмурится.

— Да, если что — это тоже было оскорбление, — добавляю я, после чего возвращаюсь к камину и сосредотачиваюсь на огне.

Пару минут Мора не слышно, так что мне даже становится

интересно, чем он там занят. Надеюсь, умирает от унижения, хотя сильно в этом сомневаюсь.

Минуто-другую спустя всадник выходит из гостиной, звяканье доспехов слышится все глуше и глуше. Дверь закрывается, и я слышу звук льющейся воды.

Я бы тоже не отказалась принять ванну. От меня несет конским потом, а уж какими грязными стали бинты, и думать не хочется. Но чтобы принять ванну пришлось бы просить о помощи, самой мне не разбинтовать рук и не наложить свежих повязок. А у меня сейчас нет никакого желания унижаться перед Мором.

Так что я поджигаю бумагу, которую засунула между поленьями, сажусь и наблюдаю, как разгорается огонь. Впервые с того момента, как я вытянула сгоревшую спичку, меня не переполняет возбуждение, страх или боль. Я стараюсь не задумываться, почему так, и что это значит. Мне легче понять свое отношение к всаднику, когда он активно пытается причинить мне боль. А когда он просто тих и скучен, все не так просто.

Довольно долго мои мысли блуждают бесцельно. Может, вы ждали, что я употреблю время с толком, например, составлю план побега или придумаю способ вывести всадника из строя, но нет. В голове странная пустота.

На каминной полке расставлена коллекция изящных фарфоровых статуэток. Одно за другим я изучаю нарисованные лица. Какое специфическое хобби – собирать миниатюрные

фигурки. Лишнее напоминание о том, как много в мире разных людей. И сейчас они бегут из родных городов, пытаются спастись.

Я представляю самые отдаленные районы Канады, медвежьи углы, в каждый из которых съехались тысячи эвакуированных, ожидающих ухода всадника. Мы играем в смертельную игру, дьявольские салочки, а нас бьют, как надоедливых мух.

Я осматриваю себя. Старомодные джинсы, поношенную рубашку. Где-то там, среди тысяч беженцев, мои родители. Сердце начинает колотиться. Не знаю, почему я так упорно мысленно возвращаюсь к ним. Наверное, я чувствую себя виноватой. План состоял в том, что мы все переберемся в охотничий домик моего деда – жалкую хижину в десятках километров к северо-западу от Уистлера.

Но в глубине души я знала, что никогда туда не приеду.

– Поезжайте вперед, – убеждала я родителей. – Я должна помочь эвакуировать город.

Мне больно вспоминать об этом.

– Не геройствуй, – сказал папа. – Все разбегаются со своих постов.

– Я должна делать свою работу.

– Если ты будешь делать свою работу, то умрешь! – выкрикнул папа (он никогда не кричал).

– Этого никто не знает.

– Проклятье, Сара, я знаю! И ты тоже. Какой процент за-

болевших выживает?

Не было там никакого процента выживших. Люди либо избегали заражения Мессиянской лихорадкой, либо становились ее жертвой. Я знала это, и папа знал, да всем в мире это было известно.

– Кто-то должен помочь всем этим семьям, – сказала я.

Тут папа перестал меня слушать. И это был едва ли не единственный раз, когда я видела его плачущим.

Он меня уже похоронил, подумала я тогда.

А теперь он наверняка считает меня мертвой.

Машинально коснувшись щеки, я чувствую, что она мокрая.

– Какой сюрприз. Я был готов к тому, что ты снова попытаешься сбежать.

От звука голоса Мора я инстинктивно съеживаюсь.

Я прочищаю горло и незаметно вытираю глаза.

Не доставлю ему удовольствия видеть, что я расстроена.

– Понимаю, что ты невысокого мнения о людях, – я поворачиваюсь к нему, – но это просто... *Господи Иисусе!*

На другом конце комнаты, с мокрыми после душа волосами, с которых еще капает вода, стоит Мор, и он абсолютно голый.

Глава 12

– О боже, – я заслоняю глаза ладонью, – надень что-нибудь! Совсем не обязательно так откровенно себя демонстрировать!

Он морщится.

– У вас, смертных, нелепейшие представления о пристойности.

При всех познаниях этого чувака, у него серьезные пробелы в образовании. Например, он понятия не имеет, чем можно ужасно смутить человека.

– Это не меняет того, что в мои планы на Апокалипсис не входило разглядывание твоей голой задницы.

Не то чтобы его тело было некрасивым или еще что-то в этом роде. Я хочу сказать, что при других обстоятельствах...

– Зачем ты говоришь мне все это, неужели так трудно понять, что я хочу заставить тебя страдать, – говорит он.

– Можешь просто надеть штаны?

Это все, чего я прошу.

Мор подходит ко мне, демонстрируя каждый дюйм своего тела, я не преувеличиваю: *каждый* дюйм. Я снова замечаю светящиеся янтарные татуировки, такие чуждые и такие красивые. Мой взгляд скользит по его широким плечам и сужающемуся к талии торсу; потом глаза невольно опускаются

ниже, к прессу, а оттуда к...

Может, я просто сижу слишком близко к огню, но внезапно мне становится жарко и хочется чем-нибудь обмахнуться.

– *Пожалуйста*, – умоляю я.

– Когда я умолял тебя о пощаде, ты сжалилась надо мной?

Это, наконец, просто *смешно*.

– Нет, но...

– *Нет*, – соглашается Мор. – И поэтому я тоже не стану выполнять твоих просьб.

Он не улавливает, что выстрел в упор и созерцание впечатляющего образчика мужских достоинств – это *абсолютно* разные категории страдания. Нет, что я несу, даже не категории. Это как слова-омофоны: звучат одинаково, но означают совершенно разное.

– А ты действительно обеими руками за правосудие по принципу «око за око», – бормочу я.

Здесь явно верховодит суровый Бог Ветхого Завета.

– И ты серьезно собираешься заставить меня смотреть на тебя голого? – спрашиваю я.

– Куда смотреть, решаешь ты сама, – он подходит к огню.

Передать не могу, как мне трудно *не* смотреть *туда*.

Очень, очень *трудно*.

И я не сразу понимаю, что Мор крутится перед огнем не просто так, а чтобы обсохнуть. А это значит, что он будет торчать здесь еще некоторое время.

Пора сваливать.

Но, когда я уже готова выйти, всадник меня опережает. Он поворачивается и идет к двери, литые мускулы лоснятся при движении.

– Ложись на диван и снимай рубашку, – командует он, выходя из комнаты.

Я замираю, услышав такое.

Обнажился, а теперь хочет, чтобы и я разделась...

Что за хрень?

Честно говоря, я скорее озадачена, чем что-то еще. Я не замечала, чтобы от Мора исходили сексуальные флюиды, чтобы я его хоть немного интересовала – не считая того, что сейчас он с удовольствием болтается тут в чем мать родила. И ничто не мешает мне, если надо, схватить каминную кочергу. Я вышибу из этого красавчика дурь, пусть только сунется.

Я просто... ошарашена самой идеей.

Услышав приближающиеся шаги всадника, я замираю. Еще миг, и Мор входит в гостиную. Я немного расслабляюсь, обнаружив, что он снова одет – на нем прежняя черная одежда. Даже ботинки надел. Не хватает только его золотых регалий.

Всадник не слишком последователен – грозился ведь, что будет и дальше шокировать меня наготой.

В руке он держит что-то, какой-то маленький предмет.

Увидев меня – в наглухо застегнутой рубашке, с кочергой в руке, – Мор приостанавливается.

Потом вздыхает.

– Ладно.

В несколько шагов он пересекает комнату.

Я замахиwaюсь и – точно, как в идиотских триллерах – терплю поражение. Мор легко отбирает у меня кочергу и, сдавив мне шею, тащит за собой. Он бросает меня лицом вниз на диван и прижимает коленом.

– Смертные... – бурчит он под нос.

Я задыхаюсь. Пытаюсь вырваться, но безрезультатно.

Через секунду слышится треск ткани, это Мор срывает с меня рубашку.

Когда он просовывает пальцы под повязку, я дергаюсь от боли, а он начинает распарывать бинты. Ткань рвется легко, как бумага.

Это неприятно. Не думаю, что Мор специально старается причинить мне боль, но каждое движение его пальцев жжет огнем.

Наконец это заканчивается. От холодного воздуха я покрываюсь гусиной кожей.

Выждав немного, всадник кладет мне на спину теплую руку. И тут же убирает.

– Садись, – командует он.

Что?

Прижимая к груди обрывки рубашки, я делаю, как он велит.

– Убери это, – в его голосе звучит досада.

Я прерывисто вздыхаю.

Не хочу подчиняться, потому что он, может, и спокойно относится к наготе, но я вот нет. Но сейчас... вспоминаю, как Мор безжалостно волок меня по дороге, как смотрели на меня его ледяные глаза, когда я отказывалась подчиняться.

Я имею дело не с человеком. Он, не задумываясь, снова причинит мне боль, если стану сопротивляться.

Да я и устала сопротивляться. Это просто... бесполезно перед такой непреодолимой силой.

Стягиваю остатки рубашки, старательно прикрывая обеими руками грудь.

Мор проводит пальцами по моей спине. Он касается кожи довольно мягко, но я все равно вздрагиваю.

– Прижми это к животу, – раздается его голос за спиной.

Смотрю вниз на то, что он протягивает. Мне нужно время, чтобы сообразить, что это бинт.

Бинты. Он хочет сделать мне *перевязку*.

У меня вырывается судорожный вздох, больше похожий на плач. Ладно, я и правда всхлипнула. А плач переходит в истерический смех, который никак не получается унять. И я уже хохочу, хотя по щекам струятся слезы, и я уже сама не уверена, смеюсь я или плачу, *потому что...*

Потому что.

Потому что, господи ты боже мой, я стреляла в человека, я подожгла его и даже сейчас меня жестоко мутит при мысли о том, что я способна сделать такое, хоть бы даже и с Всадни-

ком Апокалипсиса. Но на этом кошмар не закончился. Меня связал и заставил бежать следом все он же – бессмертное существо, которое, как я считала, я убила, то же существо, что убивает всех нас. А потом он волоком тащил меня, и у меня рука выскочила из сустава, а спину как будто изорвали в клочья – не говоря уж о ногах, – а еще я увидела человека, умиравшего чудовищно мучительной смертью. И я была готова к тому, что надо мной надругаются, что этот кошмар не закончится, ведь Мору, этому бессердечному психопату, мало того, что он уничтожает жизнь на своем пути. Ему нужно снова и снова наказывать меня в назидание другим.

Я больше не плачу – впрочем, я даже не уверена, что могу назвать это просто плачем. Это были настоящие рыдания, как будто мой разум пытался смыть все пережитое.

– Надеюсь, тебя это радует, – выговариваю я сквозь снова хлынувшие слезы.

– Разумеется, – безрадостно отзывается Мор. – Возьми.

Он передает мне бинт. Все еще не в силах успокоиться, беру его и начинаю обматывать вокруг талии, потом возвращаю назад. Мы повторяем эти движения снова и снова, пока все раны не оказываются под свежей чистой повязкой.

Я вытираю глаза, прокашливаюсь и пытаюсь взять себя в руки.

Глубоко дышу.

Все будет хорошо – или не будет, но это тоже хорошо.

Решив, что окончательно успокоилась и смогу говорить,

я обращаюсь к Морю.

– Спасибо за все, что ты делаешь, но, если раны не промыть, в них может попасть инфекция, – а может и не попасть, но все равно это риск.

Думаю, я просто должна быть благодарна ему за эту крупицу *доброты*.

– Это необязательно, – отвечает всадник.

– В каком смысле необязательно? – переспрашиваю я, пытаюсь понять, что он имеет в виду.

– Твои раны не загноятся.

Я сильнее разворачиваюсь, чтобы увидеть его лицо.

– Откуда ты знаешь?

Он молитвенно поднимает глаза к небу, будто пытаюсь найти там, среди потолочных балок, не то Бога, не то терпение, которого ему со мной не хватает.

– Я контролирую инфекции во *всех* формах.

Серьезно? Он может не только сделать так, что я не заболею лихорадкой, но и защитить мои раны от воспаления, даже не промывая их?

– Зачем тогда менять повязки? – ворчу я, снова отворачиваясь.

– Такие обширные повреждения необходимо обрабатывать, чтобы они нормально заживали, – объясняет Мор. Он отрывает конец бинта и завязывает. – Давай руки.

Я протягиваю ему запястья. Меня странным образом завораживает вся эта ситуация – и сам Мор, если честно.

Мор склоняется над моими руками (золотистые локоны падают ему на глаза) и начинает разматывать грязную повязку. Сейчас всадник выглядит щемяще невинным – хотя странновато говорить так о мужчине, тем более об этом, с огромным числом убийств за плечами. Наверное, это из-за того, что в кои-то веки он проявил заботу, а я уловила в нем искорку (исчезающе малую) человечности.

Я мрачнею, уставившись на его склоненную голову.

– Зачем ты это делаешь?

– Чтобы страдать, нужно жить.

Не знаю, почему в этот раз я ждала другого ответа. Вообще-то мне все ясно. Я причиняю боль ему, он причиняет боль мне. Мы оба следуем определенному сценарию. Непонятен мне только *этот* момент. То, что он обо мне заботится, проявляет чуткость. Это меня тревожит, и ответ «*я хочу заставить тебя страдать*» спокойствия не добавляет.

Но, если есть другое объяснение, я предпочитаю его не знать.

Глава 13

Мытье грозит перерасти в проблему.

На следующий день я пытаюсь испепелить Мора взглядом. У меня за спиной ванна, у него – дверь. Мы оба в тесной ванной комнате в очередном доме, выбранном им для ночлега.

Как и предыдущий, этот дом, на мое счастье, пустует. И бонус: в доме есть электричество, а это означает горячую воду, что, в свою очередь, значит, что я имею шанс, наконец, *смыть* с себя всю грязь.

Одна беда: этот псих, похоже, решил, что я сбегу, несмотря на тот факт, что раньше он оставлял меня в ванной одну – черт, да он оставлял меня одну и в ваннах, и в гостиных, и в кухнях! Он отлично знает, что сломал мою волю к победе. И я не могу понять, с чего ему теперь приспичило торчать здесь вместе со мной.

– Слушай, тебе все равно *придется* выйти, – обращаюсь я к человекообразному гиганту, стоящему передо мной.

Он складывает руки и обнимает свое золотое оружие. На языке всадников это значит: *попробуй меня заставить*.

– Ты, видимо, не знаешь, что люди не смотрят на других людей, когда те моются, – по крайней мере, я *думаю*, что не смотрят. Хотя не исключено, что существует такое сексуальное отклонение, темная изнанка жизни, которая мне неиз-

вестна. Бывают вещи и более странные, и стоящий передо мной мужчина – живое тому доказательство.

– Если хочешь поводак подлиннее, придется доказать, что ты этого достойна, – говорит он надменно.

– Как насчет всех тех случаев, когда ты уже оставлял меня в ванной одну?

– Ты была слишком слаба, чтобы послушаться.

– Вчера ночью не ослушалась.

Мор смотрит на меня и молчит.

Я всплескиваю руками.

– Я же буду голая и в воде, а значит, мокрая. Ты разве не знаешь, какой холод на улице?

Он не отвечает.

– На таком морозе у меня грудь отвалится, – все равно говорю я.

Никакой реакции. Даже не усмехнулся. Ну и тип. Могу поспорить, что чувства юмора у него просто нет.

– Пожалуйста, – начинаю я бессовестно кланчить.

– *Пожалуйста?* – эхом отзывается Мор, прислоняясь к двери. – Ты забыла нашу историю? Я молил, а ты отказала. Будешь ты принимать ванну, смертная, или нет, я все равно не выйду отсюда без тебя.

Я на самом деле близка к тому, чтобы отказаться от ванны. Поверьте, я не ханжа, но меня не радует перспектива обнажаться перед существом, которое пытается устроить конец света.

Однако в конечном итоге практичность побеждает. Я вся перемазана кровью и грязью, и неизвестно чем еще. Я представляю биологическую опасность.

Одарив Мора убийственным взглядом, я поворачиваю кран горячей воды и начинаю раздеваться.

У него нет проблем с обнаженкой, убеждаю я себя, стягивая джинсы. Мне вспоминается совершенно голый Мор. Он даже не знал, что должен смутиться.

Это меня немного ободряет, совсем чуть-чуть.

Попытавшись снять повязку, я понимаю, что у меня проблема. Мор так завязал бинт, что я не могу добраться до узелка. Я безуспешно пытаюсь избавиться от бинтов до тех пор, пока всадник не отклеивается от двери.

Оттолкнув мои руки, он разворачивает меня к себе спиной. Не успеваю я возразить, как *mrrrrrr*, он разрывает и сдергивает бинты.

Закончив, он наклоняется к моему уху.

– Можешь не благодарить.

Я строю рожу стене, пока Мор снова занимает место в дверном проеме.

К тому времени, как ванна наполняется почти доверху, я успеваю освободиться от остальной одежды и повязок.

Мор окидывает меня тем же отрешенным взглядом, что и раньше. Он проявляет ко мне не больше интереса, чем, скажем, к торшеру.

Мне бы радоваться. Если бы вместо этого он принялся

оценивать все несовершенства моей фигуры, я бы тут же умерла от стыда.

Но почему-то его безразличие меня задевает. То ли я хочу, чтобы его потрясло мое тело (фу!), то ли меня раздражает, что он *вообще* ничего не испытывает при виде голой женщины. Когда речь заходит о женском теле, у людей множество разных мнений (и невозможно заставить этих засранцев держать свои мысли при себе), и полное отсутствие реакции у Мора лишний раз напоминает мне, что он совсем другой.

Я сажусь в ванну. Вода, благодарение Богу, приятно горячая. Я блаженно вздыхаю и погружаюсь в нее.

Мор откладывает в сторону лук и колчан, ставит к ближайшей стене и прислоняется затылком к двери.

Он окидывает меня взглядом, не грубым и не злым, но любопытным и умеренно заинтересованным.

Интересно, правда ли все это для него так уж незнакомо и ново? Женщины, обнаженное тело, ванны, льющаяся вода – вся эта фигня. Он же не просто человек, который родился в этом мире и воспринимает такие штуки как вполне естественные.

Я глубже опускаюсь в воду, наслаждаясь теплом.

Давненько я не принимала ванну.

Большей частью это были обливания ледяной водой, да еще вечно приходилось торопиться, чтобы выжить. Сегодня я буду лежать здесь, пока подушечки пальцев не сморщатся, как черносливины.

– Откуда ты? – спрашиваю я лениво.

Мор щурится.

– Отовсюду.

Кто бы сомневался.

Вооружившись куском самодельного туалетного мыла и махровой тряпичей, я принимаюсь оттирать с себя грязь, начиная с пальцев ног. Я прохожусь по всему телу, пока кожа не становится чистой и не начинает гореть. Запекшаяся кровь и грязь отваливаются кусками. Ни шампуня, ни кондиционера нет – неудивительно, по нашим временам это роскошь, – поэтому я намыливаю голову мылом и тщательно скребу ногтями, потому что, если не промыть, волосы будут плохо лежать, когда высохнут.

Но лучше так, чем ходить с грязными.

Только вымыв как следует все остальное, я неохотно пытаюсь дотянуться до спины. От первого же прикосновения махровой ткани к коже я буквально лезу на стенку от боли. И это, к сожалению, даже не самое худшее. До большей части спины я вообще не могу дотянуться, как ни пытаюсь.

А я стараюсь изо всех сил.

Я слышу звяканье металла, куда это Мор собрался?

Тревожно оглядываюсь и вижу, как он опускается на колени рядом с ванной. Забрав у меня махровую мочалку, он придерживает меня рукой за плечо, отчего я сжимаюсь, ожидая неизвестно чего.

Мор смотрит мне в глаза.

– Я делаю это только потому, что мне больно смотреть на твои жалкие потуги поддержать чистоту.

Я открываю рот, но у меня нет шанса заговорить: он хватает меня за загривок.

– Наклонись.

Мне не нравится его обращение и не хочется подчиняться, но приходится. Нагибаюсь и обнимаю себя за колени.

Кончиками пальцев Мор отбрасывает в сторону мои мокрые волосы – от его прикосновения руки покрываются мурашками.

Просто здесь холодно, убеждаю я себя.

Сжав зубы, я терплю, пока Мор промывает раны, касаясь их на удивление осторожно. Хотя все равно больно.

– До чего же хрупки ты и тебе подобные, – шепчет он, снова проводя махровой салфеткой по моей израненной спине.

Можно подумать, что так он извиняется. На большее он явно не способен, так что и это уже неплохо. Я имею в виду, он хотя бы *сознательно* не пытался меня убить, как я пыталась убить его.

Только потому, что хочет заставить тебя страдать.

Закончив, Мор отдает мне салфетку и, вернувшись на прежнее место, садится и подпирает дверь спиной. Лук он кладет себе на колени – прямо тюремный охранник при оружии.

Вода уже грязная и быстро остывает, но я не тороплюсь вылезать из ванны. Спина горит и болит там, где ее потер

Мор, а с нервами дело и того хуже.

Я не понимаю, что мне думать и чего от него ждать, и поэтому чувствую себя странно. Даже не знаю, как я к нему отношусь – странно хорошо или странно плохо – скорее, странно плохо.

Подтянув колени к груди, я упираюсь в них подбородком.

– Ты до сих пор не спросил, как меня зовут, – говорю я.

– Мне не нужно твое имя, – отвечает Мор, отбрасывая со лба прядь волос. – Смертная – вполне подходит.

– Нет, не подходит.

Он подозрительно щурится.

– Сара, – говорю я. – Меня зовут Сара.

Мор мрачнеет.

– Какая разница, как тебя зовут? Тебя это не меняет.

– Ну и ну, умеешь ты сделать комплимент девушке! Я прямо почувствовала себя особенной.

Он презрительно кривит рот.

– Ты не особенная. Как и все остальные. Все вы мерзкие и жестокие.

– Сказал тот, кто тысячами убивает людей.

– Я не испытываю от этого удовольствия, – парирует он.

– Я тоже, – при воспоминании о Море, истекающем кровью на дороге, горящем и все еще *живом*, меня до сих пор передергивает.

– Мне так не показалось, – возражает он.

Я заставляю себя усмехнуться.

– Значит, ты совсем не разбираешься в людях, а еще берешься их судить.

Мор опускает голову.

– Возможно, – соглашается он, – но мне и не нужно в них разбираться, ты не находишь?

Ему нужно просто их убивать.

Мы умолкаем. Всадник сосредоточенно проверяет лук на гибкость, а я сижу, чувствуя, как замерзаю в остывшей воде.

– А у тебя есть имя? – приходит мне в голову вопрос. – Другое, не Мор Завоеватель?

Он откладывает лук.

– Мне никто не дал имени.

Я решаю не углубляться и не уточнять, кто мог бы его *дать*?

– Почему же?

Мор внимательно смотрит мне в глаза.

– Я не нуждаюсь в имени, чтобы обрести цель. Смертные – вот кто требует, чтобы у каждой травинки на этой доброй зеленой Земле непременно было собственное имя.

Потому что, называя вещи, мы облагораживаем, очеловечиваем их. И тем самым принципиально признаем их существование. Но, учитывая, что миссия всадника – массовое уничтожение людей, меня не удивляет, что у него глобальные проблемы с очеловечиванием чего-либо.

Ему никто не дал имени. Какое-то время я пытаюсь это осмыслить.

Какую бы сильную неприязнь я ни питала к этому парню, сейчас мне его даже жалко. Как же так, у него нет имени.

Ты должна радоваться, Сара. А не то ты, не приведи господи, еще попыталась бы очеловечить его.

И что, это было бы так ужасно?

– Значит... ты не против, чтобы тебя называли Мором? – уточняю я.

– Это всего лишь имя, – он опускает голову.

Всего лишь имя. Презабавно, учитывая, что минуту назад он утверждал, что имени у него *нет*. Хотя, если вдуматься, то, возможно, я все неправильно понимаю. Мор Завоеватель – это имя, которое *дали* ему *мы*. Это имя не было написано у него на лбу в тот день, когда он появился. И сам он не представлялся, когда выкашивал под корень город за городом.

Я пристально смотрю на Мора. Даже глазам больно. Хорошо, что я никогда не доверяла смазливym мужикам. Потому что этот – самый красивый из всех, кого я видела. Кроме, разве что, троих его братьев, но поскольку о них ни слуху ни духу... остается он, и он самый ужасный.

Мор поднимается, вешает на плечо сначала лук, потом колчан.

– Выходи, – командует он. Снимает с крючка полотенце и бросает мне. Я не успеваю его поймать, и оно падает в воду и успевает изрядно намокнуть.

– Я знаю, ты закончила мыться, – продолжает Мор, игно-

рируя мои негодующие взгляды. — И мне не терпится покинуть, наконец, это отхожее место.

— Это не *отхожее место*, — уточняю я, вставая и заворачиваясь в полотенце. — Это *ванная комната*.

Качая головой, он открывает дверь.

— Ванная комната, — он выговаривает эти слова с таким презрением, словно выплевывает. — Ирония этого термина меня забавляет.

— Ты о чем?

— Только вам, смертным, кажется, что это умно — располагать туалет рядом с резервуаром для мытья.

А я вижу в этом смысл. Ну да, сначала гадишь, потом моешься, как-то так. Что может не нравиться в таком расположении?

— А как бы ты их разместил? — я наклоняю голову, чтобы вытереть волосы.

Он открывает дверь.

— *Не* рядом.

О да, это очень помогло.

— Конечно, лучше нудить и поливать грязью, чем искать решение, — хмыкаю я.

Мор оглядывается на меня через плечо и выходит в коридор.

— Необязательно иметь решение, чтобы выявить проблему, когда с ней сталкиваешься.

— Может, твое решение в том, чтобы жечь сортиры повсюду.

ду. Верно? Они же зловонные, мерзкие. Надо от них избавиться!

Идущий передо мной Мор досадливо вздыхает.

– Только смертному могло прийти в голову такое нелепое решение.

– *Я пародировала тебя!*

– Кажется, пародия – вид насмешки? – оглянувшись на ходу, он косится на меня. – Насколько я заметил, именно ты только что сравнила себе подобных с отхожими местами.

Фу. Да уж, именно это я и сделала.

– Ты не уловил сути, – обороняюсь я.

– Я вообще ее не вижу в твоих словах.

Это никогда не закончится. Мы так и будем ходить кругами до скончания века.

– Ладно, забудь, – бормочу я в спину Морю, и отправляюсь на поиски одежды.

В спальне хозяев я нахожу женскую рубашку, брюки и все остальное, что еще нужно. По большей части все коротко и тесновато, но мне все же удастся подыскать штаны, в которых я не похожа на жирную сардельку, и рубашку, прикрывающую все, что нужно.

Одевшись, я возвращаюсь в гостиную. При виде всадника у меня перехватывает дыхание. В окна льется свет вечернего солнца, и в этих лучах его волосы сияют, словно жидкое золото. У меня сжимается сердце точно так же, как когда я смотрела репродукции Сикстинской капеллы.

Его красота настолько ошеломляет, что действительно чувствуешь близость Бога.

Я забыла, что мы ссорились, что он страшный враг. В этот миг я чувствую щемящую боль в груди.

Близость к Богу...

К Богу, которому угодно, чтобы все мы умерли.

Глава 14

- Попробуй.
- Ни в коем случае.
- Да брось, попробуй, – настаиваю я.
- Я сказал нет.

Учитывая, как обычно проходят утра с тех пор, как я в плену у Мора, это начинается довольно хорошо. Солнце окрасило все вокруг нежно-розовым светом. Красота невероятная. Мне ни с того ни с сего великодушно развязали руки, и я сжимаю в них термос с собственной версией божественного нектара.

Локтем я подталкиваю Мора, сидящего позади меня.

- Ты же сам знаешь, что тебе интересно.
 - Думаю, мне лучше, чем тебе, известно, *что я знаю*.
- Разве можно все понимать так буквально!

Я протягиваю термос всаднику, нисколько не напуганная его решительными отказами. Поймите, я предлагаю не что-нибудь, а горячий шоколад. А еще мне очень хочется проверить, умеет ли этот парень пить и вообще глотать. Я еще ни разу не видела, чтобы он прикасался к еде или что-то пил.

Рука, которой Мор удерживает меня в седле, сжимает мне бедро.

- Если я попробую, ты заткнешься?
- Нет, но, на самом деле, ты же сам не хочешь, чтобы

я молчала.

Аккомпанементом к моим словам звучит мерное *цок-цок* конских копыт. Втайне от Мора я дала его лошади имя Умница Джули. Правда, я почти уверена, что это жеребец (не проверяла, потому что, в отличие от некоторых, уважаю личное пространство и стараюсь в него не вторгаться), но это неважно.

Я вообще придумала целую историю. Умница Джули, благородный скакун, когда-то влачил жалкое существование в нищете и страхе, развлекая трюками уличных зевак ради пропитания: морковки и горсти зерна, пока Мор не спас его. Теперь они неразлучная пара. Тут и сказке конец.

Мор берет у меня термос, поднимает к лицу и придирчиво осматривает.

– Если это яд, смертная, я снова привяжу тебя к конскому хвосту и заставлю бежать.

Я фыркаю.

– Мор, если бы это была отрава, у меня были бы проблемы посерьезней асфальтовой болезни.

От яда в ящик скорее сыграла бы я, чем он.

Мор мрачно смотрит на меня, потом так же мрачно на термос.

– Не понимаю, чем я провоцирую эти *приставания*.

Да я же вижу, что тебе это нравится, могла бы я ответить, но молчу. Я и правда более чем уверена, что какая-то часть Мора – пусть самая крошечная – начинает испытывать

удовольствие от моего общества, приставаний и так далее.

Ладно, это яхватила через край. Наверное, правильное будет сказать *терпеть*. Мы оба терпим друг друга, хотя и ненавидим до печенок. Необычные отношения, но, поскольку его убить невозможно, а меня он убивать не собирается, мы вроде как скованы одной цепью.

Чуть не до дыр просверлив термос «нежным» взглядом, Мор подносит его к губам.

С ума сойти, он собирается это сделать! Он все-таки что-то выпьет!

Всадник колеблется, потом переворачивает термос, выливая содержимое.

Секунду я тупо смотрю на тонкую коричневую струйку, льющуюся на снег, а потом, опомнившись, перехожу к действиям.

– Ты что делаешь, *варвар!* – я отнимаю у него термос. – Мог бы просто отказаться.

– Я отказывался.

– Мог бы объяснить, что ты серьезно.

– Я объяснял.

Термос теплый. Внутри еще осталось довольно много горячего шоколада.

Хорошо.

Успокоившись, я снова принимаюсь за восхитительный напиток, а Мор кладет руку мне на талию.

– Почему ты не ешь и не пьешь? – спрашиваю я.

– Мне это не нужно, – кротко отвечает он.

– И что?

– *И что?* – переспрашивает Мор. Он озадаченно глядит на меня, может, пытается понять, серьезна ли я. – Я не понимаю. Почему я должен есть или пить, если не нуждаюсь в этом?

– Потому что это прикольно и вкусно – ну, о фруктовом кексе моей тети Милли говорить не будем. У этого дерьма вкус просто помоечный. Но, в общем и целом, еда – это вкусно. Как, например, горячий шоколад, который ты только что извел впустую.

– Скажи мне, – говорит Мор, – если я стану потакать себе, как смертные, чем я лучше их?

Да-а, тяжелый случай.

– А мы можем не превращать все на свете в пафосную битву добра и зла? Это же всего-навсего еда.

Он так долго молчит, что я уже не жду ответа, но потом все же заговаривает.

– Я обдумаю то, что ты сейчас сказала.

На этом мы оба надолго замолкаем.

Ненавижу тишину.

Поймите меня правильно, обычно мне вполне комфортно наедине с собой и своими мыслями. Всегда найдется, о чем подумать, ведь есть же литература и философия, история и политика. А когда приедаются эти возвышенные предметы, есть масса ерунды, которой можно забить голову: напри-

мер, вовремя вспомнить, что пора платить налоги, или пораскинуть мозгами на предмет того, как бы устроить прием для всей семьи в моей игрушечной квартирке, или обдумать, на какие книги спустить у букиниста следующую зарплату.

Но сейчас мой разум – уже не тот надежный старый друг, каким был когда-то. Каждый раз, стоит наступить тишине, мысли устремляются к очередным жертвам Мора или к тому факту, что чем дольше мы едем, тем больше народу вокруг нас умирает. А хуже всего, когда я начинаю думать о создании, сидящем в седле за моей спиной. Я все еще его пленница, но чем дольше нахожусь рядом с ним, тем более сложными и смешанными становятся мои чувства.

Я прижимаю руку к шее его коня. «Я стоял, во мрак впряжась, грезам странным предаваясь, так мечтать наш смертный разум никогда не мог дерзнуть...», – шепчу я себе под нос.

– О чем ты? – спрашивает Мор.

– Я цитирую. Это «Ворон», стихотворение Эдгара Аллана По.

Мор издает странный горловой звук.

– Я мог бы догадаться, что эта краткая вспышка красно-речия – не твоя работа.

– Ты вообще не можешь рта раскрыть, чтобы не оскорбить меня? – вздыхаю я.

Могу поспорить, этот пакостник специально пытается испортить мне настроение.

– Разумеется, – я ясно слышу по голосу, что он самодовольно улыбается. – Тем более, что в тебе есть множество черт, вызывающих насмешку.

Не будь горячий шоколад для меня так ценен, я бы наплевала на последствия и запустила термосом Мору в свинячью голову.

Подозреваю, что всадник ждет, что я взовьюсь и отвечу ему колкостью – положи руку на сердце, я думаю, что наши словесные перепалки ему нравятся, – но сейчас он взял и загубил Эдгара По, так что я не собираюсь снова подставляться.

Молчание затягивается, и вдруг всадник тихо говорит:

– Мне понравилось стихотворение.

Я шумно выдыхаю.

Нет, красавчик, я не проглочу твою наживку. Хотя мне и самой этого хочется – ведь это же *По*.

Глажу Джули по гриве – белый конский волос под пальцами мягкий, как шелк.

– Расскажи мне о себе, – требует Мор.

Тон у него такой, что я тут же ошетиниваюсь. Высокомерный, как будто я должна ему прислуживать. Я уж молчу о том, что столько раз пытаюсь с ним заговорить, каждый раз нарывалась на грубость.

– Нет.

Такой ответ заставляет его замолчать. Я кожей чувствую, как он пристально смотрит мне в затылок.

– Странное ты существо, – говорит Мор. – То настолько словоохотлива, что невозможно остановить, то отказываешься отвечать на вопросы.

Как же он старается поймать меня на удочку. Не знай я, что он собой представляет, сказала бы, что он вошел во вкус нашей болтовни.

Мор вздыхает.

– Смертная, ты возбудила во мне интерес – редкое достижение. Не расточай его.

– Не *расточать*? Это как? – Ну и *типчик*! – В смысле, отвечая отказом на твои вопросы? – Какая прелесть. – Знаешь, а у тебя тоже редкое достижение: то, как ты умеешь до меня докопаться.

Он вздыхает еще громче.

– Ты хочешь сказать, что ведьмовские выходки для тебя не типичны?

Этим вопросом он пробуждает во мне самые отвратительные наклонности.

– Тебе интересно узнать обо мне побольше? – почти кричу я. – Прекрасно. Мое имя не *смертная*, а Сара Берн. Мне двадцать один год. И неделю назад я оказалась в плену у одного *невыносимого* всадника. Об этом не хочешь поговорить?

Я так и рвусь в бой – хоть бы и кулачный – с Мором.

– Хм, – вот и все, что он отвечает.

Ни уничижительных замечаний, ни ехидных комментариев.

ев. Просто *хм*.

Убью придурка голыми руками.

– Чем ты занимаешься, чтобы скрасить жизнь? – спрашивает он.

Мне приходится оглянуться назад и убедиться, что я разговариваю с тем же человеком, который буквально несколько секунд назад изводил меня.

Сейчас вид у него вполне бесхитростный.

– *Занималась*, – огрызаюсь я, скорчив злую рожу. Сейчас-то я ничем не занимаюсь, разве что (с удовольствием) обременяю всадника, тормозя его продвижение. (Должно же хоть что-нибудь радовать.)

Отвернувшись и глядя вперед, я добавляю:

– Я была пожарным.

Его пальцы барабанят по моей талии.

– Тебе это нравилось?

Я повожу плечом.

– Просто работа. Меня она никак не характеризует.

Не то что некоторые мои товарищи по команде, те всю жизнь мечтали тушить пожары. Я перевожу дыхание и добавляю:

– Я всегда хотела поступить в университет и изучать английский.

Не знаю, с чего я вдруг с ним разоткровенничалась.

– Английский? – насмешливо переспрашивает Мор. – Но ты и так хорошо на нем говоришь. Немного странное жела-

ние.

– Я не о самом английском, не о разговорном языке, – уточняю я, сделав последний глоток горячего шоколада. Потом убираю термос в седельную сумку. – Английская литература, произведения, написанные на этом языке. Я хотела изучать Шекспира, лорда Байрона и (своего любимого) Эдгара По.

– По, – повторяет всадник. Не сомневаюсь, что он узнал слышанное недавно имя. – Почему же ты не изучала этих поэтов?

Сожаление – горький привкус в горле, и больше нет горячего шоколада, чтобы его заглушить.

– На землю пришли Четыре Всадника и испохабили весь мир.

Мы входим в город Сквамиш, опустевший и заброшенный, как я и надеялась.

Заглядываем на заправочную станцию, где насосы заржавели за долгие годы бездействия, зато склад магазина забит продуктами: ряды полок с консервами, орехами и сладостями.

Идем дальше. Недавно установленные газовые фонари все еще светят, хотя солнце уже несколько часов как встало. Фонарщик, видимо, эвакуировался, не успев их погасить.

Как и лавчонка на заправочной станции, другие магазины полны товаров, явный признак того, что владельцы бежали

в спешке, не тратя времени на то, чтобы спрятать свое добро. В результате кое-где двери взломаны, там успели похозяйничать мародеры.

По коже бегут мурашки, несмотря на теплую одежду. Все это происходило недавно, может, только несколько часов назад, а вокруг ни одной живой души. Тревожно, когда идешь по опустевшему городу, в котором по праву должны были быть люди. Все здесь кажется... *призрачным*.

Что-то сейчас творится в Квебеке, Онтарио и остальных провинциях на востоке, после того, как по ним прошел Мор? Как выглядит сейчас Восточное побережье США?

Выйду я из этой переделки живой или нет, мир уже никогда не будет прежним.

Свернув с магистрали, Мор едет по городу, и я представления не имею, что он задумал. Для того чтобы устроиться на ночлег в доме каких-то бедолаг, еще рановато. К тому же всадник впервые за все время отклонился от маршрута.

По-настоящему не по себе мне становится, когда мы подъезжаем к городской больнице.

– Что ты хочешь сделать? – спрашиваю я.

– Твоему немощному телу нужен комфорт.

Я смотрю на больницу с возрастающим ужасом. *Комфорт, например, бинты.*

Сегодня утром у нас закончились льняные тряпки.

– Бинты мне больше не нужны, – поспешно говорю я.

– Нужны, нужны, – откликается Мор уже мягче. – Ты и в

самом деле думаешь, что мне нужно *войти* в больницу для того, чтобы там все умерли? Не будь наивной, Сара. Чтобы весь город погиб, мне достаточно пройти по его улицам.

Я оглядываюсь на него. Его слова мне еще нужно переварить, а пока я в шоке от того, что он назвал меня по имени.

А Мор все не замолкает.

– Войду я в больницу или нет, не имеет никакого значения. Люди все равно будут погибать, а там особенно.

Ничего нового я вообще-то не услышала. Просто совсем не хочу видеть лица тех, кто слишком слаб и немощен, чтобы бежать от гуляющей среди них смерти во плоти.

Есть шанс, что город принял меры, чтобы увезти пациентов. Такое возможно. Но также возможно, что самые слабые просто не смогли эвакуироваться.

Я хватаю всадника за руку, пораженная мыслью.

– Универсам, – говорю я радостно, словно изобрела лекарство от рака. – Бинты наверняка найдутся в супермаркете.

Мор пристально смотрит на свою руку, которую я держу.

– Ты видела такой магазин по пути сюда?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.